

прежняя к большой войне

Александр Марков

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Александр Марков

Прелюдия к большой войне

«ВЕЧЕ»

2015

Марков А. В.

Прелюдия к большой войне / А. В. Марков — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Секретный фарватер (Вече))

ISBN 978-5-4444-8880-5

Начало XX века. Напряжение в отношениях крупнейших империй мира достигло предела. В воздухе явственно ощущается запах большой войны. Британская империя стремится не допустить укрепления и возвышения Германии, претендующей на свой «кусочек пирога» от заокеанских колоний. В то же время не первый десяток лет идет скрытная борьба между Россией и Соединенным королевством за господство в Центральной Азии и Индии. В этой ситуации Николай II, после долгих раздумий, принимает решение о создании коалиции с Германией и Францией против Великобритании, справедливо полагая ее своим главным соперником. И первой целью русской разведки становится создание и поддержание очагов напряженности в британских африканских колониях...

ISBN 978-5-4444-8880-5

© Марков А. В., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Александр Марков

Прелюдия к большой войне

1

Он проснулся от жуткой головной боли, застонал, все еще не открывая глаз, обхватил руками голову, сдавил ее, а то создавалось впечатление, что кости черепа не выдержат внутреннего давления, треснут, рассыплются, разлетятся в разные стороны, как разорвавшаяся граната.

Перед глазами была красная пелена, а когда он попробовал приподнять веки, то пелена не исчезла, она стала просто серой.

Каждый удар сердца сопровождался пульсацией боли, которая пронизывала всю его голову, точно разряд молнии. Особенно сильно боль отдавалась в шраме, который Николай получил в Отсу, когда его ударил катаной сумасшедший самурай Цуда Сандзо, стоявший в полицейском оцеплении. Но, наверное, этот самурай еще тогда мог видеть будущее и хотел, чтобы это будущее никогда не наступило. Николай помнил его лицо, дрожащее от страха и ненависти. Рука самурая тоже дрожала, и Николай чувствовал, что какие-то неведомые силы, которые сопровождали незримо цесаревича в том путешествии по Азии, мешают самураю, держат его за руку, наваливаются на его тело, и он никак не может освободиться от них. Он потерял из-за этого несколько мгновений. Несколько мгновений, благодаря которым Николай остался жив.

Он ехал тогда в повозке джан-рикши, рассматривал пеструю толпу, которая, заполонив улицы города, приветствовала наследника русского императорского трона, и так увлекся этим зрелищем, что не почувствовал, как повозка чуть наклонилась, когда на ее подножку заскочил человек. Николай лишь отчетливо услышал шепот: «Обернись». Женский шепот. Впоследствии он был уверен, что это голос Елены. Но ведь тогда он почти не знал ее и уж точно не думал жениться на ней.

Там в Отсу, обернувшись на этот голос, он увидел легкую дымку, что растворялась в воздухе, но так и не успел понять – похожа ли она на призрак или это всего лишь туман. Потом все затмила вспышка света, блеснувшая на лезвии острого как бритва меча, который опускался на его голову.

Николай успел понять, что меч-то опускается как-то уж слишком медленно, будто время растянулась, будто все события уже записаны на киноплёнку и теперь ее воспроизводят с замедленной скоростью.

Лицо молодого японца было перекошено от напряжения. Он скрипел зубами, но меч все равно едва шел, будто у японца все суставы заржавели. Николай успел отклониться. Меч врубился в край пробкового шлема, оторвал у него кусок, скользнул по голове, рассекая потом только воздух. Пока японец во второй раз не успел замахнуться, цесаревич изо всех сил пихнул его носком ботинка в коленную чашечку.

– Ай! – вскрикнул японец, теряя равновесие, да тут еще и рикша, что вез цесаревича, заверещал, точно ему ноги отдавили, дернул резко повозку, буквально выбивая у японца опору из-под ног.

Николай сидел в экипаже. Ему бы вскочить, бежать броситься, а он все со скамейки приподняться не мог, будто приклеился к ней.

Тут подоспел греческий принц Георгий, напросившийся в эту поездку по странам Азии вместе с цесаревичем. Не зря, как оказалось. Своей бамбуковой тростью он ловко с размаху стукнул японца по голове. Купил он трость несколько минут назад в какой-то лавчонке. При-

чем на этой покупке настоял Николай, а Георгий все отказывался и спрашивал у российского цесаревича, зачем ему эта вещь нужна.

– Пригодится, – сказал Николай, сам не зная, зачем он так настаивает на приобретении этой безделицы. Георгий-то пока что не страдал от болезни ног, ходил легко и предпочитал, чтобы Николай тратился на более полезные вещи. На осмотр египетских пирамид, охоту на слонов, посещение индокитайских борделей или на контракты со временными женами в Нагасаки.

Удар получился такой, будто по пустой тылке бьешь. Казалось, что у самурая под черепом, кроме воздуха, и нет ничего. Принц закричал то ли от страха, то ли криком своим японца испугать хотел, опять тростью замахнулся, пока японец в себя прийти не успел.

Но к этому моменту откуда ни возьмись появились уже лейб-казаки из конвоя, японца они с ног сбили, на землю повалили лицом вниз и начали руки выкручивать.

Японец меч все не отпускал, вцепился в него мертвой хваткой, пальцы не разожмешь. Только когда ему пальцы в кровь раздавили, да переломали их каблуками сапог, он разжал рукоятку меча. Казаки его тут же в сторону отбросили. Но японец все не успокаивался, ужом извивался, кусался, из рук выскальзывал, будто маслом был густо намазан, и тянулся к своему мечу. Глаза его из орбит вылезли от напряжения. Он все не мог понять, что затея его провалилась. Скрюченные окровавленные пальцы тянулись к Николаю, а губы шептали какие-то непонятные слова.

Цесаревич услышал, как один из казаков сказал: «Вертялая, скотина», а после отвесил японцу такую увесистую оплеуху, что у того голова едва с плеч не слетела, и он наконец-то утомился.

– Убил? – спросил у казака цесаревич. Все происходящее было каким-то нереальным, будто и не с ним все это происходило.

– Нет, какое там! – сказал казак, приложив к губам укушенный японцем палец, из которого сочилась кровь, но тут же выпрямился стрункой, вытянув руки по швам, потому что до него дошло, с кем он разговаривает, и молодецки гаркнул: – Никак нет, не убил, ваше императорское высочество. Очухается скоро.

– Что ты так кричишь? Совсем оглушил.

– Трость-то пригодилась, – напомнил о себе принц Георгий. Пока казаки обезвреживали японца, он все стоял с поднятыми руками, замахнувшись тростью, будто это была бита для лапты. Теперь он внимательно осматривал трость, точно ее в первый раз увидел. – Ты как в воду глядел, – добавил он, но цесаревич на него внимания не обращал.

У него из раны полилась кровь. Николай инстинктивно зажал рану ладонью, но кровь все не унималась, просачивалась сквозь пальцы, залепила левый глаз, густо окрасила красным всю левую половину лица, накапала на костюм, а волосы совсем слиплись, в особенности когда она стала подсыхать. Со стороны могло показаться, что рана цесаревича гораздо опаснее, чем была на самом деле. По телу Николая прошла судорога. Его затрясло. Только сейчас он начал осознавать, что все это происходит с ним и только что он избежал смерти.

– Что? Что стряслось? – услышал Николай испуганный голос князя Барятинского, в обязанности которого входило сопровождать цесаревича в этом путешествии и оберегать его от всяких опасностей. Он ехал в другом экипаже. Все случилось так быстро, что никто и понять ничего не успел.

– Тот не царь, на кого не сделали хотя бы одного покушения, Владимир Анатольевич, – нашел в себе силы отшутиться Николай. Голос его дрожал.

– Кто посмел?! – зарычал князь. Глаза его молнии метали.

– Не кричите, князь, голова раскалывается, – тихо сказал Николай.

– Руку уберите, ваше высочество. Я посмотрю, что там, – голос князя дрожал еще сильнее, чем у Николая.

Снимая с цесаревича пробковый шлем, он боялся увидеть рассеченные мечом кости черепа. Князь был ошарашен случившимся еще больше, чем Николай. Императорская чета лично доверила Барятинскому безопасность своего сына. Как бы он им в глаза смотрел, окажись это покушение удачным? Да он готов был самурая голыми руками на куски разорвать. Только то, что он должен оказать Николаю первую помощь, помешало ему подойти к японцу, распластанному на земле, и выместить на нем весь свой гнев.

Князь внимательно осмотрел рану Николая, оторвал кусок своей рубашки и начал перематывать цесаревичу голову.

– Ну, что там? – спросил Николай.

– Повезло, ваше высочество. До свадьбы заживет, – приговаривал князь. – Рана небольшая. Кожу рассекло.

– Вот негодяй, шлем мой испортил, – сказал зачем-то Николай.

– Шлем? Ерунда, – отозвался князь, улыбаясь. Еще несколько секунд назад сердце его буквально из груди вырывалось от страха за судьбу наследника трона, теперь же он начал потихоньку в себя приходить. Но сердце все равно уж слишком сильно в груди колотилось. – Новый купим, а хотите – мой возьмите, ваше высочество. Или вот у Георгия... Георгий, отдашь шлем-то свой? – спросил он у принца, который истуканом стоял возле экипажа.

– Конечно, отдам. О чем разговор? – закивал тот. – Мне для цесаревича ничего не жалко.

Шлемы для всех участников путешествия все равно покупались из тех денег, что русская казна выделила на поездку цесаревича. У самого греческого принца в карманах были только дырки.

– Трость-то пригодилась, – вновь сказал принц, на этот раз надеясь, что его кто-то послушает. – Ты, Николай, как в воду глядел, когда уговаривал меня ее купить. Давай, я тебе и ее оставляю, как подарок. Она все-таки, думаю, жизнь тебе спасла.

Принц явно намекал на то, что это он спас цесаревича, точным ударом ошеломив японца. Как бы впоследствии принц не стал просить всяческих дивидендов за этот свой поступок. Кипр у британцев отнять или какие-нибудь из тех провинций, что пока османам принадлежат.

– Ты знатно приложил этого японца, – сказал Николай. – Игра в лапту явно тебе на пользу пошла. Трость я брать не буду, а вот меч, с которым японец на меня набросился, пожалуй, заберу на память.

– Ваше высочество, молчите. Вам нельзя говорить. Вам надо силы беречь! – Говоря это, князь держался за сердце рукой.

Но Николая было теперь не остановить. Осознание того, что он так легко избежал смерти, повергло его в какую-то эйфорию.

– Георгий, ты не понял, что этот японец говорил-то?

– Он говорил, что должен тебя остановить, иначе мир рухнет, – задумчиво сказал принц. – Что-то... – он задумался, пытаясь в точности воспроизвести слова японца, – «если ты не умрешь, солнце закатится». Вот.

Георгий посмотрел на цесаревича.

– Солнце? – переспросил Николай, чуть приподняв брови. – Прямо конец света какой-то предвещает этот прорицатель. Скорее всего, он про Японию говорил.

– Да, да. У них ведь солнце на флаге, – закивал князь. – Но вы молчите, молчите, – потом посмотрел на бездыханного японца. – С собой зверя этого возьмем и в Санкт-Петербурге прилюдно накажем на Дворцовой площади.

– Нам его не отдадут, – сказал Николай. – Это будет расценено как похищение, а за него здесь смертная казнь положена.

– Это ему смертная казнь положена! – шипел князь.

Георгий тем временем принес самурайский меч, протянул его цесаревичу. Тот перехватил рукоятку, посмотрел на окровавленное лезвие. Хотел что-то сказать, но так и не нашелся.

Они точно в центре какого-то шторма находились. Беседовали спокойно, а буквально в нескольких метрах от них толпа, прознав о покушении на наследника русского трона, бесновалась, кричала, бегали полицейские, но вот никто что-то на помощь прийти не торопился.

– Давайте, я меч пока у себя подержу, ваше высочество, а то вам его и положить-то некуда, – сказал князь. – Вас надобно в больницу везти... А ну, запрягай свою повозку! – крикнул он на рикшу, который сидел на дороге, пребывая в состоянии какой-то медитации.

– Да какая там больница, – отмахнулся Николай.

Поддерживая его с двух сторон, Георгий и князь довели цесаревича до ближайшего дома, оказавшегося галантерейным магазином.

Там для него подготовили постель, но Николай от нее отказался и решил продолжить свое путешествие после того, как врач осмотрел его рану, вновь перевязал и стер кровь.

Он сидел на пороге магазина и курил. Рядом с ним сидел князь и принц Георгий. Местные полицейские уже увели куда-то преступника.

– Совсем у них тут плохо с безопасностью. Как они жизнь императора-то охраняют? – спрашивал князь.

– Император – сын Бога. На его жизнь никто не может покушаться, – говорил Николай. – Что-то мне подсказывает, что все было неспроста. Этому японцу никто не мешал, а в отцепление его специально поставили.

– Да что вы говорите такое, ваше высочество?! – замахал руками князь. – За этим покушением стоял японский император?

На вопрос Николай не ответил.

– Ты-то, Владимир Анатольевич, сильнее меня перепугался, смотрю. Лицо бледное.

– Перепугаешься тут. Мне ваши матушка и батюшка поручили за вами присматривать и оберегать, а тут такое дело. Случись самое страшное – мне после этого и жизнь в тягость была бы. Сердце все никак не успокоится. Из груди прямо вырывается. Но думаю, нам пора домой возвращаться. Наездили по этим границам. Ничего тут дельного нет. Опять же, вам, ваше высочество, надо в церемонии закладки первого камня Транссибирской магистрали участвовать. Дело это важное, государственное и ждать не может, а то мы так дорогу и не начнем никогда строить. Поехали во Владивосток прямо отсюда? Ну, зачем нам это Токио? Насмотрелись уж всяких чудес. Как думаете, сильно микадо рассердится, узнав, что здесь произошло?

– Думаю, что он больше рассердится, когда узнает, что я к нему не поеду и визит вежливости совершать не буду.

– Да и пусть. Больно надо. Думаете, обиду затаит и припоминать будет? Азиаты, они такие коварные, обиды никогда не забывают. Но замечу, что подданный микадо нанес нашей империи смертельное оскорбление. Куда делась, кстати, эта скотина? Георгий, не знаешь?

– Полицейские его увели, пока вы в доме были, – сказал Георгий.

– Эх, жалко, – грустил князь. – Кровь за кровь! – мстительно прошипел он. – Его надо было тут же зарубить. Нас бы никто и не упрекнул. Самооборона.

– Успокойся, Владимир Анатольевич, – похлопал его по плечу Николай. – Но Япония еще покажет себя, – задумчиво добавил он. – Мне кажется, что она не даст нам спокойно жить на Дальнем Востоке.

Казалось, что весь Отсу высыпал на улицы, и людей теперь на пути экипажа цесаревича было гораздо больше, чем еще получасом ранее. Рикша бежал легкой трусцой. На лице его была улыбка. Признаться, Николай стеснялся ехать в таком экипаже, чувствовал себя каким-то рабовладельцем и поначалу немного краснел, но для японцев такая жестокая эксплуатация одного человека другим была чем-то естественным.

Люди падали на колени, как только к ним приближалась коляска с цесаревичем, утыкали лица в землю и начинали бить поклоны, прося о прощении. Зла на этих людей Николай не

держал, улыбаться им – не улыбался, а держался как-то равнодушно, будто и не стряслось ничего.

Встреча с микадо Мейдзи все же состоялась, уже в Кобе, куда японский император приехал, чтобы загладить инцидент. Испугался он, что ли, что, узнав о покушении на цесаревича, император Александр III прилетит к берегам Японии свой броненосный флот и превратит все портовые города в груды дымящихся развалин?

Микадо говорил Николаю какие-то цветастые фразы, такие же красивые и легкие, как рисунки на японских тканях, как цветение сакуры, но цесаревич вдруг понял, что микадо недоволен, что это покушение не удалось. Он точно мысли микадо уловил.

«Я читаю его мысли! – ошеломленно понял Николай. – Микадо приехал сюда не прощения просить. Он со мной знакомится. Изучает меня. Изучает, как... будущего соперника. И... он боится меня!»

– Мы сурово накажем преступника, – сказал микадо на прощание.

«Дайте его нам, и мы избавим вас от этой головной боли».

Николай вслух об этом не сказал, но микадо итак все понял по выражению на лице цесаревича. Тот ведь знал, что японцы своего подданного в чужие руки не отдадут ни за что. Это правильно. Николай тоже не отдал бы в чужие руки кого-то из своих провинившихся соотечественников. Да и перед микадо тот самурай вовсе не провинился, а напротив.

– Жаль, что лейб-казаки не придушили этого Цуда Сандзо там же на улице, – все ворчал князь Барятинский, которому уже доложили имя преступника. – Нет человека – нет проблемы. Да и получил бы по заслугам.

По японским законам смертной казнью каралось только убийство. Вот удайся самураю зарубить российского цесаревича, тогда его ждала бы виселица. Но поскольку покушение не удалось, то приговорить преступника могли лишь к пожизненной каторге. Русский посол в Токио намекал японским властям, что надо сделать исключение и казнить преступника, но японский суд следовал букве закона и никаких исключений не сделал.

Николай полагал, что Цудо Сандзо на каторге проведет совсем недолго. Его отпустят, а за него и под его именем – срок будет отбывать другой человек. Японцы не могли открыто помиловать человека, едва не убившего наследника русского престола.

Император Александр III, узнав о таком мягком приговоре, все возмущался, обещал японцев в бараний рог скрутить или, на худой конец, пригласить в гости команду тех несусветных толстяков, которые участвуют в традиционной японской борьбе, чтобы на арене какого-нибудь цирка российские борцы пересчитали им кости, если, конечно, найдут их под складками жира.

– Возмутительно! – гневался Александр III.

– Ты будешь у носа японского посла рубль серебряный гнуть? – спрашивал у отца Николай.

– Нет, много чести. Под зад ногой ему дам, так, чтобы он в Токио свое долетел.

– Перестань, – успокаивал его Николай. – Мы поступили бы так же. Того, кто покушался на наших врагов, надо не казнить, а делать из него героя.

Он едва в обморок не упал, когда его нога коснулась родной земли. Это было во Владивостоке, куда его привез из Японии крейсер «Память Азова». Перед глазами все поплыло, ноги стали ватными и начали подкашиваться, и не успей ухватить его под руку князь Барятинский, Николай наверняка рухнул бы на пристань, как подкошенный. Люди, собравшиеся на пристани, подумали бы еще, что наследник пьян.

Его затрясло, как в лихорадке. Из тумана выплыло испуганное лицо князя.

– Что с вами? – читалось на его губах, но Николай слов не слышал.

Секундой ранее, в тумане, что все еще стоял перед его глазами, он увидел кладбище и могильный камень, на котором было выбито имя его отца и даты его жизни. Николай отчего-то сразу поверил, что видит будущее.

– Вас укачало?.. – донесся до него откуда-то издалека голос князя.

– Разве может укачать наследника трона империи, у которой самый лучший флот в мире?

– У нас не самый лучший флот в мире?

– Будет!..

Слабость ушла. Николай смог крепко встать на ноги. Ему с трудом удавалось держать на лице улыбку. В том будущем, что он увидел, – его отец, такой сильный, крепкий как медведь, всего через три года сойдет в могилу, а вся тяжесть ответственности за огромную империю, раскинувшуюся от одного океана до другого, через половину Европы и через всю Азию, ляжет на плечи Николая. Беспечных лет у наследника трона больше не будет. Выдержит ли он? Его будто к земле прибило от одной лишь только мысли о таких перспективах.

Каждый раз, когда он начинал видеть будущее, у него сильно болела голова и пульсировал шрам. Удар самурайского меча что-то изменил в его голове. Ощущение было сравни вспышке, которая выжигает мозг. Николай уходил в себя, слышал голоса, но не знал, кому они принадлежат – живым или мертвым. Он не мог ни с кем разговаривать, а те, кто пытался его хоть как-то утешить, не могли добиться от него ни единого слова. Они видели тоску в его глазах, такую холодную, будто там поселилась смерть.

Впервые это случилось семь лет назад...

Сердце билось слишком быстро. На лбу выступила испарина. Он прикоснулся пальцами к пульсирующему болю шраму, опять застонал.

В комнату вбежала Елена, упала рядом с кроватью, схватила его руку, сжала, стала осыпать поцелуями.

– Что с тобой? – в ее голосе была тревога.

– Голова опять болит, – сказал Николай. – Ничего страшного.

Он попробовал улыбнуться, но на лице получилась какая-то гримаса, будто уголки губ треснули, раздвинулись больше, чем им положено природой. Так раздвигаются губы у Щелкунчика и еще у того человека из французской книжки, которому уголки губ разрезали до самых щек. Зато он всегда мог смеяться. Николаю сейчас было совсем не до веселья не только из-за того, что голова раскалывалась. Вернее, как раз из-за этого, потому что, как только у него начинались головные боли, это было предвестником каких-то значимых событий и для него, и для всей страны.

В нос ударил противный терпкий запах. Лейб-медик Евгений Боткин протянул ему стакан со снадобьями, которые он всегда держал рядышком на тот случай, если у императора опять разболится голова. Вероятно, в комнате врача в шкафу вместо бутылок с винами и коньяками стоят бутылки с этим снадобьем.

Николай пригубил стакан, сделал сперва маленький глоток, потом запрокинул голову и, влив в рот содержимое стакана, быстро проглотил.

Когда-то он нежился в постели до двенадцати. Теперь он не мог позволить себе такой роскоши. Вставать приходилось гораздо раньше. На полдень намечалось заседание Кабинета министров, на котором он обязан был присутствовать. В повестке дня значилось обсуждение вопроса о посылке ко двору негуса Абиссинии Менелика II дипломатической миссии.

Снадобья Боткина уняли головную боль, а чашка крепкого абиссинского кофе прогнала сон.

Запасы кофе были просто неограниченными. Николай шутил, что может открыть лавку с колониальными товарами, где будет продавать кофе, и неплохо на этом заработать, поскольку негус готов был прислать в знак признательности российскому императору все, что угодно, помня ту помощь, которую Николай оказал Абиссинии в войне с Италией.

Формальным поводом для начала войны послужило заявление Италии о том, что она опасается за участь своей Эретрийской колонии, граничащей с северными провинциями Абиссинии. Итальянцы полагали, что их превосходно вооруженная армия легко справится с туземцами, но не тут-то было.

Помощь абиссинцам стала одним из первых серьезных внешнеполитических решений молодого императора.

«Мой великий друг, – писал ему благодарный абиссинский негус, – проси от меня все, что хочешь. Если тебе понадобятся мои солдаты, то я пошлю их всех до последнего тебе на помощь».

По сообщениям агентов, негусу удалось собрать под свои знамена двести тысяч пехоты. Он опасался новой войны с Италией. Россия имела в мирное время армию лишь в пять раз больше, чем сейчас было у Менелика II.

«А вот если бы послать армию негуса на Индию, – мелькнуло в голове Николая. – Ему и добираться-то до нее куда как ближе, чем нам».

Эфиопы были «братьями по крови». В той войне российское общество полностью стояло на их стороне. В прессе печатались призывы отправить в Абиссинию добровольцев, подобно тому, как это не раз случалось во время войн Сербии с османами.

Николаю не пришлось уговаривать Кабинет министров выслать в Аддис-Абебу санитарный отряд Красного Креста и организовать сбор пожертвований для раненых и больных эфиопских солдат. Но это было официальное решение, а в неофициальном – Россия поддержала негуса не только морально, но и материально, отправив в Абиссинию новейшее оружие.

Солдаты армии генерала Бартъери были крайне удивлены, когда при Адуи эфиопы обстреляли их из горных орудий Крупна. Итальянцы тогда потерпели сокрушительное поражение. Это послужило для них отрезвляющим душем. Пока они больше не помышляли о захвате Абиссинии. Правда, Николай всегда со скепсисом относился к боевым качествам итальянцев. От них больше шума, чем пользы.

Итальянцы попытались обмануть абиссинцев и при подписании мирного Уччиалльского договора, поступив ничем не лучше картежного шулера, который прячет карты в своем рукаве. Дело в том, что тексты договора на итальянском и на амхарском оказались неодинаковыми.

В Семнадцатой статье договора говорилось, что негус при переговорах с другими независимыми государствами может пользоваться услугами Италии. Однако в итальянском варианте этого соглашения слово «может» было заменено на слово «должен», что автоматически превращало Абиссинию в вассала Италии.

При подписании договора переводчики негуса этой подмены не заметили. Итальянцы официально объявили Абиссинию своим протекторатом, ссылаясь на тот вариант договора, который имелся у них в наличии. Русский МИД первым обнаружил подмену слов и отказался признать его полномочность. Как только Менелик II узнал об обмане итальянцев, он тут вышел из этого соглашения.

Николаю пришлось срочно встречаться с другом Вилли – императором Германии Вильгельмом II, чтобы в личной беседе объяснить ему, отчего так поступила Россия, а то министр иностранных дел Италии барон Блан разъезжал по дворам Германии и Австро-Венгрии, утверждая, что в Абиссинии Россия устроила «неприкрытую провокацию против Тройственного союза».

Николай не хотел из-за Абиссинии поссориться и с Германией, и с Австро-Венгрией, но он не мог оставить «братьев по крови» на произвол судьбы.

Благо представился повод повстречаться с кузеном Вилли – открытие Кильского канала, проложенного через основание Ютландского полуострова. Заложили его еще за год до начала царствования Вильгельма, а теперь это грандиозное сооружение сильно сокращало путь между

Балтийским и Северным морями, а Германии теперь не было смысла разделять свой флот надвое.

Вильгельм пребывал в приподнятом настроении, и даже поражение в далекой Африке союзников по Тройственному союзу не могло омрачить его мысли. Но беседу с российским императором он начал, как обычно, с покровительственных ноток, журил его, словно учитель ученика.

– Дорогой Ники, ты поступил в Абиссинии не по-товарищески. Итальянцы мне все уши прожужжали, чтобы я с тобой поговорил. Ты же знаешь, что они твои действия называют «провокацией против Тройственного союза». А Германия, между прочим, основа этого Тройственного союза. Выходит, что ты устраиваешь провокации против меня? Ай-ай-ай, – он погрозил Николаю указательным пальцем.

– Дорогой Вилли, какая провокация против Тройственного союза? – развел руки в стороны Николай. – Напротив, я думал исключительно о безопасности твоих колоний.

Они разговаривали по-немецки. Николай хорошо знал этот язык. Вильгельм обещал ему начать изучать русский, но дальше нескольких слов дело так и не пошло. Он ограничился лишь приветствием.

– Ты его так никогда и не выучишь, если будешь лениться! – смеялся над Вильгельмом Николай. – Давай, я буду говорить по-немецки, а ты по-русски?

– Потом. Что ты говорил насчет безопасности моих колоний?

– Все очень просто. Ты ведь знаешь о британской мечте построить железную дорогу от Каира до Капштада, которая будет проходить исключительно по британским владениям? И как ты думаешь, через что эта дорога пройдет? Правильно, через твою Танганьiku. Сперва британцы расправятся с махдистами в Судане, потом они попробуют соединиться со своими частями, размещенными в Уганде, а уж следом за этим они все вместе возьмутся за твою Танганьiku. Но соединиться им мешает Абиссиния. Как ты думаешь, кого тебе лучше иметь в союзниках, когда британцы продолжают осуществлять свои планы? Свободную Абиссинию, которую поддерживает Российская империя, или Эфиопию как вассала Италии? Италия и так обязана помогать тебе в случае конфликта с третьими странами. Независимая Эфиопия ограничивает свободу действий Британии в Северо-восточной Африке. Независимая Эфиопия нужна не только мне, она в большей степени нужна тебе.

– Ай-ай, хитрец! – продолжал журить Николая Вильгельм. Он вступил на престол на несколько лет раньше Николая и никогда не упускал случая выступить в роли старшего друга или даже учителя. – И зачем ты этих фокусников на чистую воду вывел? Соглашение подписали, всех оно устраивало – и итальянцев, и негуса, но ты все испортил и снова их поссорил.

– А тебе, дорогой Вилли, надо бы присмотреться получше к твоим союзникам. Если они, как ты говоришь, могут такие фокусы при подписании мирного соглашения выкидывать, то не выкинут ли они еще что-нибудь, когда придет время выполнять соглашения о Тройственном союзе? Ты своих дипломатов попроси сравнить варианты на немецком и итальянском. Что, если они окажутся неидентичными?

– Не пугай меня. Тексты договора проверены вплоть до запятых и пробелов между словами. Они одинаковы. Но ты все-таки хитрец. Отправить в Абиссинию германские пушки, подчеркиваю, ГЕРМАНСКИЕ – это точно не по-товарищески. Пушки Круппа стреляли в моих же союзников.

– Прости, – Николай покорно склонил голову. – Но ты же знаешь, что мои казенные заводы тесно сотрудничают с фирмой Круппа и изготавливают пушки по его чертежам. Пушки там были все-таки русские, но сделанные по германским чертежам с некоторыми усовершенствованиями. Но это лишь доказывает, что твои пушки – лучшие в мире. Чем я могу загладить свою вину?

К сожалению, Абиссиния не имела выходов к морю. Индийский океан для нее запирали итальянское Сомали, Красное море, опять же принадлежащая Италии Эритрейская колония, Аденский залив – Британское Сомали, а между ними лежала узкая полоска земли протяженностью не более сорока километров, которая принадлежала Франции. Через французскую колонию русские и проникали в Абиссинию.

Россия и прежде предпринимала попытки укрепиться на восточном побережье Красного моря. Империя нуждалась в угольной базе для бункеровки на путях, ведущих к Дальнему Востоку и к... Индии. Создание такой базы грозило осложнением отношений с Британией, но нельзя же вечно поступать так, чтобы выгоду получала лишь одна Британия. Сейчас не то время, чтобы британцы свою позицию могли поддержать высадкой десанта в Крыму, обстрелом Владивостока и отправкой военной эскадры к Санкт-Петербургу.

Однако первые попытки обосноваться на берегу Красного моря больше походили на авантюры. Но только внешне. Точно так же выглядел авантюрой и поход Ермака в Сибирь и взятие казаками Азова.

Конец русской колонии «Новая Москва» в Сагале положили пушки французского крейсера «Примангуэ». Теперь такое попросту невозможно. Французы – союзники. Они обязались во всех частях света защищать подданных Российской империи как своих собственных. То же самое в отношении французов должна делать и Россия.

Император надеялся, что нынешняя дипломатическая миссия в Абиссинию найдет-таки способ заполнить для России кусок суши для бункеровки.

В Санкт-Петербурге было холодно. Поглядывая в окно, Николай ежился. На улицу выходить не хотелось, хорошо, что все министры съезжались на заседание к нему в Зимний дворец. Он видел, как к парадному входу подъезжают коляски. Из них спешно выбегали люди, кутаясь в полы пальто, укрывая лицо шарфом и воротником. Лица из-за этого было не разглядеть, но сквозь чуть запотевшее стекло своего кабинета Николай узнавал их по фигурам, да и коляски каждого немного отличались. Слуги отворяли перед ними двери. Они взбегали по лестнице, стараясь побыстрее окунуться в тепло. Но за те несколько секунд, что они были на улице, холодный влажный ветер успевал пробраться под пальто, проморозить их чуть ли не до костей, поэтому у всех, пусть они и были превосходными ораторами, еще какое-то время стучали от холода зубы.

Для заседаний в Зимнем дворце был отведен большой зал, чтобы в нем хватило места и всему Кабинету министров и еще оставались места на тот случай, если на заседание еще будет кто-то приглашен.

Министры согревались после дороги чаем. Самовары с горячей водой и чайники с заваркой стояли в фойе перед залом заседаний. Здесь же на столах были разложены тарелки с пирожными и бутербродами. Наибольшей популярностью пользовались баранки. Их министры между собой прозвали даже «императорские». Они в шутку говорили уже домашним, что не на заседание Кабинета министров отправились, а ехали «попить чая с императорскими баранками».

Наконец всех попросили в зал заседаний.

Николай II вошел в зал последним, как и полагалось по традиции, когда министры уже заняли свои места и о чем-то беседовали друг с другом. Они все тут же поднялись со своих мест, дождались, когда император дойдет до своего места, сядет и попросит садиться всех присутствующих.

Вел заседание премьер-министр, но император мог в любой момент прервать его, если ему что-то не нравилось. Витте огласил план заседания и попросил выступить министра иностранных дел Извольского.

– Я хочу представить вам Петра Михайловича Власова, – начал министр, повернувшись чуть в сторону – туда, где со стула встал поджарый седовласый господин. Все министры посмот-

рели в его сторону, а тот поприветствовал их кивком. Николай отметил, что Власов несколько не волнуется. В этом кабинете даже у человека со стальными нервами мог вдруг начаться на лице нервный тик, выступить на лбу испарина, задержаться рука. – Он опытный дипломат, – продолжал министр представлять главу миссии в Абиссинию, – действительный статский советник, долгое время проработавший в Персии.

Когда Власов ответил на ряд несущественных вопросов, его кандидатура была поддержана Кабинетом министров единогласно. Глава МИД представил еще и Леонида Константиновича Артамонова, на днях получившего чин полковника. Он назначался командиром конвоя, сопровождающего миссию. Полковник был членом Российского географического общества, что говорило само за себя, а среди его заслуг были успешно проведенные «военно-статистические исследования» в Турции и Персидском Азербайджане. В Иране он побывал в тех местах, где до него не ступала нога ни одного европейца. Николаю понравился этот разведчик, выходец из бедной дворянской семьи, где было 10 детей и каждый, чтобы прокормиться, должен был помогать родителям. Такие люди за чужими спинами не отсиживаются, когда опасно, и многого добиваются, если не гибнут при исполнении трудных и опасных поручений. В Артамонове при всей внешней холодности чувствовалась кипучая энергия, граничащая с авантюризмом.

«Такой дров наломать может, – подумал император, – но там такой и нужен».

Власов и Артамонов познакомились еще семь лет назад в Персии, где Петр Михайлович возглавлял русское ген-консульство, а Леонид Константинович проводил «географические» исследования.

Затем министры приступили к обсуждению инструкции. Среди прочего в ней говорилось, что «Россия не преследует в Абиссинии никаких корыстных целей, сочувственно относится к усилиям негуса, направленным на установление спокойствия и развитие благосостояния в его стране».

Это был обычный дипломатический документ, написанный в очень обтекаемой форме. Но в нем упоминалось и о том, что «задача миссии заключается в том, чтобы снискать доверие негуса и по возможности охранять его от козней наших политических соперников, в особенности англичан, преследующих хищнические цели».

Деньги на миссию выделились из резервного фонда Министерства финансов. В состав миссии входило 39 русских и двое абиссинских юношей, которые воспитывались в России и обучались в инженерном училище. Там им преподавали военное дело. Негус хотел иметь в своей армии образованных офицеров.

Николай был резко против того, чтобы из-за экономии средств миссия отправлялась в Абиссинию из Одессы сперва на русском коммерческом пароходе, а затем в Порт-Саиде пересаживалась на французское судно.

– Как вы себе это представляете – русская дипломатическая миссия прибывает, как бедный родственник, на французском судне? Что, у нас своих пароходов нет? Не на том экономить собираемся. На этом экономить не будем. Будь моя воля, я вообще отправил бы миссию на крейсере. Вот только боюсь, что выйдут проблемы с турками, и они долго будут тянуть с разрешением пройти через проливы, а потом британцы точно не пустят наш крейсер через Суэцкий канал. Придется в обход всей Африки идти. Тогда уж сразу лучше из Кронштадта выходить, а не из Севастополя. Миссия, правда, будет тогда сравнима с кругосветным путешествием. До двора негуса нескоро доберется. И абиссинцы, к сожалению, крейсера нашего не увидят, а увидят лишь жители Джибути. Но что нам перед союзниками бахвалиться своими военными кораблями? Французы и так знают, каков у нас флот. Я предлагаю арендовать судно у РОПиТа, чтобы на нем с комфортом могли разместиться все члены миссии, – тут он подумал о том, что можно арендовать яхту у одного из Великих князей, но запросят они много за аренду, дорого выйдет. Он готов был и свою яхту «Штандарт» предоставить для миссии совершенно бесплатно. Это показало бы, насколько серьезно относится Россия к установлению дипломати-

ческих отношений с Абиссинией. Но «Штандарт» ему в скором времени понадобится. Все это не выход. – Итак, – продолжал император, – пароход арендуется на все время, пока работает миссия. Пусть стоит в Джибути и ждет ее возвращения. Не пообедем. Так ведь? – обратился император к министру финансов.

– Да, Ваше Величество, – отрапортовал Коковцев.

– Есть ли у кого возражения по этому вопросу? – император окинул зал, но возражать никто не стал. – Хорошо, тогда до следующего заседания, господа. А вас, Петр Леонидович, и вас, Леонид Константинович, я попрошу задержаться.

Он распрощался со всеми министрами, пожал им руки, перекинулся парой-другой слов на прощание, у кого-то справился о здоровье супруги, а когда все члены Кабинета министров разошлись, пригласил Власова и Артамонова в соседний кабинет.

В рабочем кабинете императора на полу лежала львиная шкура – подарок негуса. Отсылая ее, Менелик писал, что он знает: Зимний дворец – огромен, но если российскому императору захочется устлать львиными шкурами все полы своего дворца, то негус с удовольствием вышлет ему столько шкур, сколько потребуется.

В кабинете ждали двое. Одним из них был действительный статский советник Евгений Яковлевич Максимов, возглавлявший аналитический отдел внешней разведки при Генеральном штабе. Накануне он подробнейшим образом рассказал и Власову, и Артамонову о своем пребывании в Абиссинии во время боевых действий против итальянцев. Официально он там находился как корреспондент газеты «Новое время». Однако всем было ясно, что он совмещал эту деятельность с должностью военного консультанта негуса. Без помощи Максимова абиссинцам, у которых на вооружении еще несколько лет назад были только копья с мечами, вряд ли удалось бы разбить армию генерала Бартьерри. Максимов просил Николая II включить его и в состав миссии, ссылаясь на свой опыт, но император был вынужден ему отказать.

– Для вас и здесь работы будет много. Вы хотите оставить аналитический отдел без головы? Как мы без вас обойдемся?

Также он отказал Максиму и в просьбе отправить его в Южную Африку – к президенту Паулю Крюгеру.

– Вдруг там с вами что-то случится? – спрашивал император.

– Что там со мной может случиться, Ваше Величество? – удивлялся Максимов. – Я только передам Крюгеру на словах ваше предложение, тут же сяду в поезд из Претории в Лоуренс-Маркеш и первым же пароходом вернусь обратно.

– Ой-ой, – грозил ему пальцем император. – Зная ваш характер, позвольте вам не поверить. Я догадываюсь, что при вашей любви к путешествиям по всяким далеким и опасным странам вам очень хочется побывать на краю света. Обещаю, что как только ситуация нормализуется, то непременно пошлю вас в Южную Африку во главе дипломатической миссии.

– Она нормализуется очень нескоро, – грустно сказал Максимов.

– Вот видите, ваша задача – сделать все возможное, чтобы она нормализовалась как можно быстрее, а для этого ваша голова будет нужна здесь, а не в Южной Африке. К Паулю Крюгеру поедут другие. Вы же их сами подготовили. Они справятся и без вас.

– Под какой легендой будем их отправлять, Ваше Величество?

– Так у нас выбор невелик. По военному ведомству мы эту поездку никак провести не сможем. Британия тут же заявит решительный протест. Мне, конечно, глубоко безразлична их реакция, но лишний раз привлекать внимание британцев к нашим агентам не стоит. Русское географическое общество тоже не хотелось бы задействовать. А то британцы итак в каждом нашем путешественнике готовы видеть шпиона. Что, впрочем, недалеко от истины.

– Позвольте поправить, Ваше Величество, – вставил реплику Максимов, а получив разрешение императора, продолжил: – не шпиона, а разведчика.

– Разведчика. Правильно, – кивнул Николай Александрович. – Итак, остается лишь один вариант – репортеры. Все-таки вариант проверенный. Еще вами, Евгений Яковлевич, – усмехнулся император. – Заметки, кстати, за них писать сможете для нашей прессы здесь, в Санкт-Петербурге, чтобы навык не потерять. Аналитические записки не требуют больших литературных талантов.

Максимов покраснел. Он понял, что император намекает на доклад его отдела о положении дел в Южной Африке, который был представлен императору тремя месяцами ранее. Николай Александрович помнил эту записку с пометкой «Совершенно секретно. Для личного пользования императора», чуть ли не наизусть и мог цитировать ее по памяти.

«В Трансваале и Оранжевой растет недовольство вмешательством Англии во внутренние дела бурских республик. В Южной Африке, в Натале и Капской колонии английские войска насчитывают около тридцати тысяч человек, количество их все время увеличивается.

После того как в республиках были найдены алмазы и золотиносные россыпи, Англия не оставляет мыслей присоединить любыми путями бурские республики к своим владениям. Очевидно, что добровольное их вхождение в состав Британской империи невозможно. Остается лишь насильственное присоединение. Однако пока точная дата начала боевых действий британским командованием не определена. Предположительно, война может начаться в конце будущего года. Менее вероятная дата – лето будущего года. Однако события можно поторопить посредством отсылки в Трансвааль наших агентов.

Сейчас у буров роль постоянного войска играет лишь отряд артиллерии, в состав которого входит лишь 400 человек. Однако в случае войны призыву подлежат все граждане мужского пола, способные носить оружие, от 16 до 60 лет. А это значит, что в короткое время численность бурской армии увеличится, как минимум, до 50 тысяч человек, а возможно, и больше, в том случае, если Трансвааль и Оранжевую поддержат буры, проживающие в Капской колонии и Натале. Причем это будут не простые ополченцы, а великолепные стрелки, которые подтверждали свое мастерство во множестве конфликтов с британцами и туземцами, что случались на протяжении последних десятилетий.

По нашим сведениям, Германия продала бурским республикам пять тысяч винтовок системы «маузер» и тридцать шесть пулеметов «максим» по льготной цене. Их доставили через порт Лоуренсо-Маркеш, расположенный в португальском Мозамбике. Продажная цена оружия оказалась ниже себестоимости. Как выяснили наши агенты, убытки производителям покрывались из государственного бюджета Германии. Напомним, что годом ранее император Германии Вильгельм II прислал телеграмму президенту Трансвааля Полю Крюгеру, где призывал его оказывать сопротивление британской агрессии. Эта телеграмма стала реакцией германского кайзера на рейд в бурские республики разбойников, которых финансировал Сесиль Родс. Но Германия не готова оказывать открыто военную помощь. В германской колонии Юго-Западная Африка, соседствующей с Британской Южной Африкой, практически нет военных сил и средств. Если Германия будет вовлечена в открытый конфликт, то она, безусловно, быстро потеряет Юго-Западную Африку.

Однако цель этой телеграммы в другом. В первую очередь она направлена не Полю Крюгеру, а британским высшим кругам. Вильгельм II, безусловно, рассчитывал, что текст телеграммы станет широко известен. Столь открытая поддержка буров со стороны Германии должна обеспокоить Солсбери, а Германия получает плюс на переговорах с Британией касательно своих колониальных приобретений в Тихом океане. Британии проще согласиться на то, что Самоа становится германской колонией, чем препятствовать этому и тем самым настроить Германию против себя в очень сложный для Британской империи момент».

– Что вы так засмущались? Я пошутил, – засмеялся Николай Александрович, – превосходная записка. В особенности фраза «события можно поторопить посредством отсылки в Трансвааль наших агентов». Чувствуется, что вы долгое время были репортером.

– Рад стараться, Ваше Величество! – Максимов демонстративно выпрямил спину, поднял подбородок и щелкнул каблуками.

– Что касается Самоа, то так и просилось выражение «британцы бросят ее Германии, как кость голодной собаке».

– Вы же знаете, что хороший репортер избегает штампов, – скромно, потупив взор, сказал Максимов.

– Да. Теперь о ваших коллегах, которые отправляются в Южную Африку. Конечно, было бы очень удобно отправить их на нашем пароходе до Джибути вместе с дипломатической миссией, направляющейся в Абиссинию. Так бы мы им большую часть пути обеспечили.

– Нет, нет, Ваше Величество! – замахал руками Максимов. – Все провалим. Надо раздельно. Одно не зависит от другого. Если они на нашем пароходе вместе с миссией до Джибути доберутся, то это британцев насторожит.

– А может, владельцы тех газет, которые формально будут представлять наши агенты, имеют большие связи и могут добиться, чтобы для их репортеров выделили места на этом пароходе? Что тут странного?

– Нет, нет, странного ничего тут нет, но лучше подстраховаться. Мед отдельно, мухи отдельно.

– Соглашусь с вами, Евгений Яковлевич. Британцы, конечно, своими спецслужбами гордятся, но надеюсь, что агенты сумеют беспрепятственно добраться до Претории.

– Одну только трудность предвижу. Их могут не посадить на суда, которые через Суэцкий канал идут. Но тогда они смогут доехать до Суэца на поезде, а уж после этого на любой пароход сесть. Потом трудностей не должно возникнуть. Я рассказал им и о таком варианте.

Еще при Александре III Максимов исполнял всяческие секретные поручения в Сербии, когда там началось восстание против османов, затем продолжил делать это в ходе Русско-турецкой войны на Балканах и в Ахалтекинском походе генерал-адъютанта Скобелева. Там его впервые и повстречал Артамонов. Впрочем, друзьями они не были, даже приятельских отношений у них не возникло.

Второй человек, находившийся в кабинете, внешне похожий на араба с темной загорелой кожей, был никому не известен.

– Евгения Яковлевича, думаю, вам, господа, представлять нужды нет, – начал император, посмотрев на Власова и Артамонова. – Хочу познакомить вас вот с этим молодым человеком. Звать его – Али.

Было понятно, что это не настоящее имя, а псевдоним.

– Вы должны будете доставить этого человека в Африку так, чтобы о его существовании никто, кроме вас, не знал, ни один из членов миссии, – продолжал император. – Это очень важно. Как только он прибудет в Абиссинию, то покинет вас и вы о нем должны забыть. Если кто-нибудь когда-нибудь будет вас расспрашивать о нем, то вы об этом ничего не должны помнить. Ни то, как он выглядит, ни то, как его зовут, ни то, что он вообще был с вами. Ничего, – по слогам произнес Николай. – Хочу отметить, что незаметная доставка этого человека в Абиссинию является одной из главнейших задач вашей миссии, может, даже более важной, чем установление дипломатических отношений с негусом. В трюмах вашего парохода помимо подарков негусу будет еще несколько ящиков, только предназначаться они будут не Менелику. Негус ничего об этих ящиках знать не должен.

Посылать махдистам современное оружие было очень рискованно. Не из-за того, что британцы могли его перехватить, а из-за того, что дервиши могли повернуть его против абиссинцев. Когда после взятия Омдурмана и убийства генерала Гордона дервиши были предоставлены сами себе, они обратили свой взор на соседа.

Махдисты в конце прошлого десятилетия оккупировали всю Амхарскую провинцию и разграбили древнюю провинцию Абиссинии, Гондар. К счастью, им не понравился климат

Абиссинии, и они вернулись в Омдурман. Желая отомстить махдистам, негус Иоанн собрал огромное войско в 150 тысяч человек и двинулся на империю дервишей. 9 марта 1889 года на берегу реки Атбара он встретил 85-тысячное войско дервишей. В ходе кровопролитнейшего сражения абиссинцы отступили. Более того, был убит негус. Отрубленную голову Иоанна дервиши отправили в Омдурман как военный трофей.

Такой судьбы и врагу не пожелаешь, не то что союзнику. Николай очень надеялся, что дервишей слишком займет борьба с экспедиционным корпусом Китченера и они не будут даже думать о новом походе на Абиссинию. Он рисковал. Но боеспособность махдистов ему была важнее безопасности негуса, к тому же в армии негуса в конце прошлого десятилетия практически не было огнестрельного оружия. Теперь ситуация была в корне иной.

Али много путешествовал. Он проехал весь Аравийский полуостров и Северную Африку. В этих поездках кожа его претерпела необратимые изменения, стала темной, как у араба, и теперь ему не надо было прибегать к тем ухищрениям, к которым прибегали Вамбери и Бертон, чтобы их не раскрыли, втирая в свою кожу ослиный навоз.

С арабами он ладил, его не раскрыли и он благополучно добрался до Мекки. Теперь он должен был войти в доверие к дервишам. Предприятие было очень рискованным. Готовя к этой миссии Али, Максимов располагал крайне скудной информацией об империи дервишей. В последние десять лет она вовсе была полностью закрыта для европейцев. До этого в Хартуме бывали русские путешественники Василий Юнкер и Александр Елисеев. Специально для Максимова Елисеев подготовил большую монографию под названием «Махдизм и современное положение в Судане».

На тот случай, если либеральная интеллигенция начнет возмущаться тратой бюджетных средств на отправку миссии в Абиссинию и тем, что эти деньги можно было бы использовать для улучшения благосостояния граждан, перед отправкой миссии в «Санкт-Петербургских ведомостях» напечатали статью. В доходчивой форме в ней объяснялось, что союз с Эфиопией является политической необходимостью, поскольку Эфиопия служит противовесом английскому влиянию в Африке, а это в свою очередь отвлекает внимание Британской империи от среднеазиатских проблем и играет на руку России. Из статьи следовал простой вывод – любой, кто будет противиться посылке этой миссии, – британский пособник.

2

В Средиземном море лицо Савицкого было мертвенно бледным, в Аденском заливе – просто белым, а когда наконец-то показалась бухта Делого, то на нем появился даже легкий румянец.

Добирались они кружным путем, сперва на поезде до Марселя, ну а там уже сели на французский пароход, хотя с самого начала могли в Крыму сесть на русский пароход и дойти на нем, по крайней мере, до Джибути. Впрочем, они все равно добрались до французского Сомали быстрее, чем пароход РОПиТа, на котором в Джибути прибывала дипломатическая миссия ко двору негуса Абиссинии. Рохлин с Савицким были куда как мобильнее, чем многочисленная, обремененная конвоем и чиновниками, дипмиссия. А как все же приятно было бы увидеть на рейде Джибути пароход под русским флагом. Но не случилось.

Большую часть утомительного путешествия по морям и океанам Савицкий либо спал, либо проводил на верхней палубе. Перекинувшись через леера, рассматривал пенные буруны, что разбегались в разные стороны от носа корабля, а заодно опорожнял свой желудок от скверного завтрака, скверного обеда или скверного ужина. Кормили на корабле плохо. Видать, местный повар экономил на пассажирах и в портах остановки покупал самые дешевые и некачественные продукты. Но пусть в ресторане подавали бы самые сказочные яства, которые обычно готовят лишь на лайнерах, что гоняются наперегонки со временем и друг другом по Атланти-

ческому океану, надеясь хоть на месяц заполучить «Голубую ленту», и тогда он не смог бы с аппетитом съесть ни одного куска. Еда не лезла ему в горло.

– Кушай, милый, – приговаривал Рохлин и запихивал в рот Савицкому кусочки мяса, как малому дитяте или больному, который сам поест не в силах.

– Не хочу, – отмахивался Савицкий, мотал головой, но Рохлин настойчиво тыкал кусочком мяса, нанизанным на вилку, в его губы. – Не понимаю, как ты эту морскую болтанку переносишь? Меня всего наизнанку выворачивает. Все-таки я сухопутная крыса. Жду не дождусь, когда под ногами будет твердая земля.

Время, проведенное на свежем воздухе, благотворно повлияло на его внешний вид. Лицо загорело, даже обгорело, нос облез. Для всех они были всего лишь искателями удачи, которых так много стекается со всего света в Южную Африку, после того как на Оранжевой реке нашли золото, а в Трансваале – алмазы.

Поди объясни, что едут они в Южную Африку, якобы как репортеры русских газет. Никто не поверит, потому что в Южную Африку ехали исключительно, чтобы денег заработать, и любая другая причина вызвала недоумение и расспросы. В конце концов, Рохлин с Савицким тоже стали придерживаться версии, что на край света они отправились в поисках удачи и счастья. Ищут-то их все, но нашел только один человек – Сесиль Родс, а он такой жадный, что родную маму обкрадет, а уж удачей своей он делиться ни с кем не будет. Старатели уже придумали шутку: «Мечты сбываются только у Сесилия Родса».

Еще не так давно каждый желающий мог выбрать любой не занятый другими старателями участок, заплатить пошлину и ковыряться в земле сколько ему вздумается. Но сейчас все золотоносные участки давным-давно были поделены между акционерными обществами. Незанятыми остались лишь очень скудные земли, работа на которых не окупала затрат.

Недостатка в дармовой рабочей силе на приисках и копиях не было. Для этих целей использовались туземцы, превращенные практически в рабов. Корабли с завидным постоянством поставляли на разработки и белых. Предложение значительно превосходило спрос, даже если брать в расчет, что на разработках старатели стабильно умирали от малярии.

На пристани работало несколько вербовочных пунктов. Очереди в них не было. Не то, что в портах Североамериканских штатов во времена гражданской войны Севера и Юга. Янки ведь всем эмигрантам, кто вступит в их армию, тут же предоставляли гражданство. Получить такое ценой своей крови соглашались практически все, кто мог держать оружие, пусть и опыта военной службы у него никакого не было. Таким вот образом янки заполучили много пушечного мяса. Это в немалой степени позволило им одержать верх над патриархальными и консервативными конфедератами. Тем надо было поставить под ружье рабов, которые трудились на плантациях, пообещав им в случае победы свободу. Конфедераты ничего не теряли. В случае победы северян рабство и так отменялось.

Рохлин и Савицкий могли разговаривать, не опасаясь, что их кто-то подслушает и выведет на чистую воду. Русский на корабле никто не понимал, а они делали вид, что немецкий, французский, португальский и английский знают через пень колоду. По несколько слов всего. Вот так и общались на всех языках разом. Русские, впрочем, к концу путешествия проявили удивительные лингвистические способности. Английский только был не в чести, потому что носители этого языка досадили абсолютно всем: и французам, и португальцам, и русским, да и немцам сейчас мешали развивать свою торговлю.

Окажись на борту подданные королевы Виктории, им в лучшем случае с радостью надавали бы по высокомерным физиономиям, а в худшем – подкараулили темной ночью на палубе, да пощекотали бы ребра стальным пером. Если на борту корабля и находился хоть один британец, то он предпочитал не показываться на палубах, все время в своей каюте сидел, куда и заказывал еду из ресторации.

Чтобы никаких недоразумений не возникало, к английской речи старались вовсе не прибегать. В тех случаях, когда все способы донести до собеседника свою мысль были уже исчерпаны, а он так ничего и не понял, лучше уж было языком жестов стараться что-то объяснить, чем на этой тарабарщине, которая употребляется на Британских островах.

Впрочем, пассажиры друг к другу относились с неким недоверием, старались держаться небольшими группками, а рот при чужаках держать закрытым. В ближнем своем видели только конкурента, боялись, к примеру, что тот тоже едет на край света открыть страусовую ферму, чтобы продавать перья в Париж. Лучше такого ближнего ночью, пока никто не видит, отправить за борт на корм рыбам. Никто и не хватится пропажи, а когда хватится – будет слишком поздно.

Только с группой немцев наладились теплые отношения, ходили друг к другу в гости, пили шнапс, которого у немцев оказалось вдосталь. Немцы говорили о том, что они коммерсанты, но Савицкий сразу же понял, что они такие же коммерсанты, как русские – репортеры. Похоже, что и немцы разобрались, кто такие русские. Сходили они пораньше, в Танганьике, предлагали послать ко всем чертям эту Южную Африку и остановить свой выбор на Восточной Африке.

– Здесь работы непочатый край, – говорили немцы, – а рук не хватает. Страна невиданных возможностей.

– А в Южной Африке золото и алмазы валяются под ногами, – отвечали русские, не поддаваясь на уговоры. – Надо только нагнуться.

– Некоторые нагнулись, теперь других нагибают. И в Южной Африке слишком много британцев.

– Да и у вас они под боком. Сидят в Уганде. Не самое приятное соседство.

– Да уж, запах их гнилой и у нас чувствуется, – тянули немцы. – Ну, настаивать не будем. Когда с делами своими управитесь, то к нам можете заезжать.

Запах богатств манил в бурские республики и разного рода проходимцев. Коренные жители такому наплыву не радовались и относились к переселенцам крайне недружественно. Савицкий с Рохлиным это предчувствовали.

Во влажном воздухе одежда их быстро промокла и совсем не высыхала. Она висела на телах мокрыми противными тряпками, сковывая движение, будто на тебя натянули смирительную рубашку, которыми успокаивают в больницах буйнопомешанных. Будь их воля, они бы ходили по кораблю только в набедренных повязках, как дикие туземцы, кафры, к которым они ехали. Пробковые шлемы, песочного цвета рубахи, штаны, которые носить в этой тропической жаре было гораздо приятнее, чем европейские, они раздобыли еще во время стоянки в Жибути. Савицкий после прогулки по базару шел на корабль, точно на каторгу в Сибирь, такая смертная тоска была в его глазах.

– Вот уж не думал, что тебе так не захочется отсюда уезжать, – сказал ему Рохлин. – Здесь же жить невозможно. Мало кто из европейцев больше года выдерживает, большая часть их быстро на небеса отправляется.

– Да не нравится мне тут совсем, на корабль мне не хочется. Как вспомню про болтанку, так жить не хочется.

В этих тропических костюмах они и искупались в бассейне, который соорудили из брезента на палубе, незадолго до того, как корабль пересек экватор. В Южном полушарии была осень, и чем дальше они шли к югу, тем температура становилась ниже и приятнее.

В бухте стояло на рейде несколько транспортов, огромных и вальяжных, будто плавающие на поверхности киты, а между ними сновали рыбацкие суденышки. Они походили на маленьких рыбешек, которые ждут, что им хоть что-то перепадет от трапезы морских гигантов. На таких суденышках боязно было забираться далеко в море. Никто и не забирался. Не было в этом никакой надобности. Прибрежные воды просто кишели всякой живностью.

– Посмотри, красота какая! – говорил Рохлин, показывая на Лоуренсо-Маркеш – городок, что располагался в бухте.

Приезжих пугали зулусской угрозой. Старые орудия форта были направлены не в море, а в глубь берега, потому что с моря здесь никакой беды не ждали, а только с суши, памятуя, как полвека назад зулусы взяли город штурмом и убили губернатора. С той поры мировая пресса еще несколько раз писала о зулусах, когда они убили наследника французского трона, решившего отправиться в Южную Африку в качестве наблюдателя при британской армии. Еще раз, когда зулусы разбили британский экспедиционный корпус на холмах Исандлваны. Черный дикарь с великолепным плюмажем из страусовых перьев с огромным щитом, сделанным из кожи буйвола, часто появлялся на обложках приключенческих журналов. Теперь любой мальчишка знал, как выглядит кровожадный зулус.

На набережной высились каменные двух- и трехэтажные домищи, а над всеми крышами возвышался католический собор, издали походивший на маяк. Прежде такая роскошь была здесь невозможна. В городе были не дома, а лачуги. Но в последние годы дела жителей Лоуренсо-Маркеша пошли на поправку.

Испытывая врожденную ненависть к своим вечным противникам, буры не хотели продавать добытые в республиках золото и алмазы через Кейптаун, который по-прежнему называли не иначе как Капштад. Пусть уж лучше они в убытке сами останутся, чем на их труде нагреет руки какой-нибудь толстый торговец из Уайтхолла.

От золотоносных жил Ранда через Блумфонтейн и Преторию они протянули железнодорожную ветку к португальскому Лоуренсо-Маршкешу. Транзитные грузы, что шли из республик, превратили этот забытый Богом городишко в самый большой порт на побережье. Он рос, как тесто на дрожжах. Золотоносная пыль и алмазы – нет лучшего средства для того, чтобы каменные дома стремились достать крышами если уж не небеса, так хоть облака.

Британцам такое положение вещей крайне не нравилось. Они давили на местного губернатора, чтобы тот прикрыл этот торговый путь, разрешил всей торговлей заправлять британскому комиссару, который и будет устанавливать цены на товары, как то уже было практически по всему Западному побережью Африки. На самом-то деле комиссар просто начнет скупать товар по оптовой цене, занижая многократно его стоимость, а потом перепродавать с выгодой для британской короны.

Чтобы просьбы эти были негласными, британцы прислали с дружественным визитом в бухту Делагое свой крейсер «Инвизибл». Он мог превратить весь Лоуренсо-Маркеш в грудку развалин примерно за час.

Крейсер использовал этот визит, чтобы пополнить запасы угля, а забив им трюмы, сонно покачивался на волнах в десяти кабельтовых от берега. Его пушки были зачехлены, чтобы в стволы не попадал влажный соленый воздух и не разъедал их, но его днище соленая вода разъедала не хуже кислоты и еще на нем селились колонии разнообразных морских обитателей. Еще неделя-другая и крейсер обрастет таким шлейфом из водорослей, что потеряет в ходе узла два-три и тогда придется посылать на очистку днища водолазную команду или отправляться в доки на ремонтные работы.

Демонстрация такой мощи британского флота вблизи от португальских берегов несколько не испугала местного губернатора. В вопросе предоставления монополии на торговлю через порт Лоуренсо-Маркеша британским коммерсантам он проявил редкостную неговорчивость. Не помогла даже крупная взятка, даже обещание, что и впредь губернатор будет иметь свой процент от оборота. Его не испугала бы угроза, что британцы подкупают зулусского вождя и тот опять придет сжигать Лоуренсо-Маркеш и убивать губернатора, как то уже случалось полвека назад.

Губернатор превосходно понимал, что британцы его обманут, вышвырнут вон из бизнеса, а он хотел за то время, пока губернаторствовал в Газаленде, обеспечить и себе безбедную

старость, и своим потомкам безбедную жизнь. Он справедливо полагал, что такого теплого местечка ему во всем свете не сыскать. Вот и защищал свободу бурской торговли от посягательств британской короны.

Решать столь сложный вопрос, конечно, надо было не здесь, не в Лоуренсо-Маркеше, а в высоких кабинетах Лиссабона и Лондона. Но Лондон на обострение конфликта пока что не шел, потому что и без Лоуренсо-Маркеша в Африке ему хватало проблем и с Полем Крюгером, и с Жаном-Батистом Маршаном, и с Абдаллахи. Пока что британцы были не готовы создавать новый источник напряженности.

Они подкупили только местных чиновников, которые поставляли сведения о товарах, поставляемых в Оранжевую республику и Трансвааль. Так выяснилось, что буры закупили пять тысяч винтовок системы «маузер» и несколько десятков пулеметов «максим».

Пять тысяч современных ружей – это очень опасно. Их, конечно, можно закупать и для охоты, но вот пулеметы явно предназначались для чего-то другого. Скорее всего, даже не для обороны от воинственных туземных племен, с кем буры вели постоянные войны.

Британцы тоже промышляли закупкой товаров, которые были не совсем законными. В Газаленде в последнее время расцвели поля с маком, а опиум, который из него делали, отправлялся прямо в Китай на тех же быстроходных судах, что вывозили из Поднебесной горы чай. Рейсы были очень прибыльными. В одну сторону – чай, в другую опиум. Заботами британцев Китай стал бездонным рынком сбыта для этого зелья. Опиумные курильни расплодились во всех крупных городах, в особенности в прибрежных, где в этого рода заведения помимо местных жителей заходили путешественники, коммивояжеры, моряки с тех кораблей, что стояли в портах. Некоторые потом так на свои корабли и не возвращались и больше никогда не видели родины.

Пароход с Рохлиным и Савицким пришвартовался, отдал концы, потом с борта перекинули трап, и на причал потянулась разноликая толпа пассажиров.

Доски трапа трещали под ногами, выгибались. Савицкий ступал на них с боязнью, будто по болотной топи шел, где и не поймешь – что там будет, когда ты следующий шаг сделаешь – то ли кочку твердую нога нащупает, то ли уйдешь с головой в мерзкую жижу. Но там всего лишь вода, прозрачная и теплая.

Рохлин поддерживал Савицкого под руку, отпустил только, когда тот ступил наконец-то на причал.

– Как приятно твердь-то земную под ногами чувствовать! – сказал Савицкий. – Трудно поверить, но мы таки добрались до края света.

– Ты где учился? – недоуменно спросил Рохлин и посмотрел на Савицкого. А тот не стал отвечать и тоже удивленно посмотрел на своего друга. Тот превосходно знал, что Савицкий учился в Академии Генерального штаба, они вместе там учились и на многих лекциях сидели за одной партой. – Ну, такое впечатление, что тебе строение Земли преподавали еще по тем учебникам, где говорится, что Земля покоится на четырех слонах, они стоят на черепахе, а Земля – плоская, а значит, где-то есть ее край, с которого вода срывается в космическую бездну.

– Очень смешно, – ехидно прищурился Савицкий. Последние признаки морской болезни исчезали с его лица буквально на глазах. Воздух Лоуренсо-Маркеша действовал на него, как самые лучшие лекарства, а еще говорят, что климат здесь плохой, губительный для человеческого организма и кто не заболит лихорадкой, того обязательно отправит на больничную койку или на гробовую доску малярия. – Ты не представляешь, как я проголодался, – перевел он разговор на другую тему. – Мне кажется, я месяц целый ничего не ел. Сейчас съел бы поросенка всего целиком, каши гречневой и пива бочку.

– Лопнешь. Но перекусить можно.

Причал был заставлен горами деревянных ящиков, на которых красовались ярлыки с надписями: «Сельскохозяйственное оборудование», «Горные оборудование», «Драги». Товары приходили из Германии и Франции. Рохлин не сомневался, что в ящиках пушки, пулеметы, ружья и патроны.

На причале всех пребывающих ждала не менее пестрая толпа. Она вдруг показалась Савицкому стаей стервятников, которые подыскивают себе жертву. Здесь было полно разного рода проходимцев. Приходилось опасаться за состояние своих карманов.

– Лучшие номера в городе по доступным ценам!

– Лучшие женщины на всем юго-восточном побережье по доступным ценам.

Приезжим предлагали все, что угодно. Женщин, развлечения, угощения, а для тех, кто приехал сюда не развлекаться, а по делам, были организованы прямые маршруты до бурских золотоносных рудников и алмазных копий. Отправиться навстречу своему счастью можно было либо в железнодорожном вагоне, либо в повозках, запряженных быками.

– На шахтах и рудниках рабов маловато, что ли? – спросил Рохлин.

– Наверное,дохнут быстро, – высказал предположение Савицкий.

Кто-то пришел на пристань, чтобы узнать последние новости. До города они доходили с огромным опозданием. Телеграф работал с перебоями и обо всех европейских событиях жители Лоуренсо-Маркеша узнавали лишь спустя пару недель, причем новости доходили в сильно искаженном виде. Можно было сесть на тротуаре возле одного из зданий, положить перед собой шляпу и за плату отвечать на вопросы прохожих. За день можно этим ремеслом заработать гораздо больше, чем удастся уличным артистам или циркачам. Надо спешить. Их-то мастерство не устареет, а новости, которые ты привез из Европы, через пару недель будут уже никому не нужны.

Вывески манили, как вкусный, извивающийся червячок на крючке манит рыбку. Поддашься минутной слабости – и тебя выпотрошат, оставят без гроша.

– Куда нам? – спросил, усмехаясь, Рохлин, показывая пальцем на столб. По бокам его были указатели, один из которых сообщал, что до «Заведения мадам Девзоле» десять шагов, а до «Ресторации братьев Кокнак» – пятнадцать.

Савицкий вдруг подумал, что сейчас они вместе с Рохлиным похожи на богатыря с картины Васнецова, который застыл перед камнем, а на камне написано, что если налево пойдешь, то коня потеряешь, направо – жизнь, ну а если пойдешь прямо, то найдешь несметные сокровища. Дорога прямо вела в Трансвааль. Выбор был очевиден.

– Туда, – сказал Савицкий, кивая в сторону ресторации братьев Кокнак.

Морепродукты, за которые в Париже драли невероятные цены, стоили здесь сущие копейки. Свежайшая рыба, всякие членистоногие гады и моллюски. Опасаться приходилось не за состояние своего кошелька, а за то, что все это великолепие не поместится в желудке и он просто лопнет. Савицкий, поглядывая на своего приятеля, который уплетал поджаренных моллюсков, сам поддался искушению, и так увлекся этим, что остановился слишком поздно, когда желудок, отвыкший от пищи за время путешествия, взбунтовался.

– Ой, плохо мне, – только и успел сказать Савицкий, а потом, поскольку крикнуть он никому не успел, чтобы ему принесли тазик или ведро, его начало рвать прямо на полированные доски пола.

Ничего он поделать с собой не мог, только спрятался под стол, чтобы не попадаться никому на глаза, даже своему другу. Тот покраснел, сконфузился. Хорошо, что в заведении почти никого не было, а тот, кто был, сделал вид, что ничего не происходит.

– Ты часом не отравился? – спросил Рохлин, когда Савицкий, весь красный и потный, вылез-таки из-под стола и уселся на свой стул. Изо рта у него тянулась длинная противная слюна. Он смахнул ее тыльной стороной ладони, размазал по щеке.

– Вряд ли, – сказал Савицкий.

Но тот же самый вопрос возник и у официанта, который поспешил выяснить, что же стряслось с клиентом. Он стал уверять, что все продукты, которые подаются в заведении, отменного качества, свежие. Здесь просто не могло быть тухлятины, потому что все, что подается к столу, все, что есть сейчас на кухне, еще утром плавало в море, а если они из своих утренних запасов что-то не продадут в течение дня, то готовить это на следующий день не будут. Выбросят на помойку и пополнят запасы из нового улова.

– Да нет, тут вы нисколько не виноваты, – сказал Савицкий.

Оставалось радоваться хотя бы тому, что его не просят заплатить за беспорядок на полу.

– Прикажете сейчас убратся под столом или позже, когда вы уйдете? – спросил официант. – Нет, не подумайте, что я прошу покинуть вас наше гостеприимное заведение, – тут же стал пояснять официант, подумав, что первое его предложение звучит двусмысленно, и из-за этой двусмысленности он может лишиться чаевых, – мы очень рады каждому клиенту. И я буду просто счастлив, если вы закажите еще что-нибудь. Вы ведь могли убедиться, что у нас обширный выбор блюд. Но мне показалось, что вам будет немного неудобно. Вот я и предложил убрать все с пола.

– Пожалуй, что нам пора, – сказал Рохлин. – У вас действительно все очень вкусно, но нам уже пора.

– Не желаете ли опия? – сказал официант, понизив голос до шепота и чуть наклоняясь к столу.

– Нет, не сейчас, хватит, – сказал Рохлин, чтобы официант больше не досаждал его своими предложениями, а то еще окажется, что помимо угощений, указанных в меню, есть и другие услуги, которые предоставляет это заведение клиентам, и официант начнет перечислять все пункты. Понятное дело, что после опия в нем шли всякие услуги интимного свойства.

В последнее время Рохлин и Савицкий активно работали над своей внешностью, чтобы офицерский лоск немного пообтерся, чтобы по выправке никто и не догадался, что звания у них не ниже, чем капитанские. Сутулить спину было поначалу очень непривычно. Она сама собой принимала такое положение, будто вместо позвоночника в спину вогнали железный лом. Ноги предательски чеканили шаг, и при каждом шаге в голове раздавались слова какого-нибудь марша.

Но то, что труды их даром не пропали – теперь читалось во взгляде официанта. Мысли, что рождались в его покачивающейся голове, прочитать было совсем несложно. Он оценивал клиентов и думал, что люди эти на приисках протянут совсем недолго, потому что там надо иметь луженый желудок, который переваривает даже гвозди, а если уж его воротит от всяких вкусовостей, то исход – один и можно хоть сейчас подыскивать себе уютное местечко на погосте да идти на примерку к гробовщику.

На вокзале было лишь несколько ожидающих. С кислыми физиономиями они сидели на жестких лавках и ждали милостей от природы. Расписание существовало, но оно никогда не выполнялось, и поезд мог запаздывать на час, два, а то и вовсе не прийти. Вокзал давно превратился в некое подобие гостиницы для ожидающих. Отправившись в настоящую гостиницу, понежишься там, в мягкой кровати вместо жесткой лавки, но тогда пропустишь поезд и вовек отсюда не уедешь. Лучше уж здесь помучиться, чем идти двести пятьдесят верст до Претории. Савицкому и Рохлину не оставалось ничего другого, как обжить две соседствующие лавки, разложить на них свои пожитки, чтобы сидеть и лежать на них стало немного комфортнее.

Мальчик-индус разносил чай. С большим медным чайником с длинным носиком он обходил ожидающих, предлагая свой товар. Кто-то гнал его прочь, потому что он мешал спать, кто-то соглашался отведать его варево. Разносчик протягивал небольшую пиалку, лил туда ароматный напиток. От пиалки поднимался пар. Напиток был очень горячим. Не дай бог, разносчик не рассчитает, и чайная струя попадет тогда не в пиалку, а прямо на руки. Мальчик ждал,

пока клиент напьется, забирал пиалку, сбрызгивал ее водой, но до чистоты так и не отмывал. Пиалка был замызганной и грязной.

Когда разносчик подошел к русским, Рохлин махнул ему рукой, показывая, что ничего они не хотят. Его испугало и то, что разносчик обварит ему руки, и то, что, испив из этой грязной пиалки чая, он подхватит дизентерию.

Стемнело быстро, всего за несколько минут. За стенами вокзала опустилась такая крошечная ночь, что невозможно было различить очертания своей вытянутой руки. Каждый, кто выходил на улицу, точно погружался в морские пучины, тонул в этой темноте. Савицкий подумал, что влюбленные пары лишены возможности любоваться долгим закатом, этими поразительно красивыми цветами, когда солнце тонет за линией горизонта, окрашивая небеса красным, желтым. Но им вполне хватило бы и друг друга, а еще звезд, что висели над ними высоко в небесах, будто зажженные свечи, которые вставили в канделябры, укрепленные под самым куполом высоченного здания.

Савицкий и сам любовался этими звездами и этими небесами, тяжелыми, как бархатные портьеры. Те, кто оказывался в этих местах, верили в то, что небеса – на самом деле не что иное, как хрустальный купол.

Когда они интересовались у тех бедолаг, что оккупировали соседние лавки, сколько те ждут поезда, выяснялось, что на вокзале они уже сутки, а кто и двое. Одежда их вся измялась, на щеках выступила щетина, глаза покраснели.

Рохлину и Савицкому повезло. Их ожидания длились лишь пять часов. За это время они как минимум раза по четыре обошли вокруг здания вокзала, изучили его во всех мельчайших подробностях – и центральную башенку с часами, и фотографические снимки на стенах, на которых был запечатлен день открытия вокзала. Церемония была пышной. Часы на центральной башне остановились. Минутная стрелка вздрагивала, точно по ее телу проходили предсмертные судороги, но пройти по циферблату хотя бы еще один шаг она уже не могла.

«Время застыло», – подумал Савицкий.

Он ощущал, что время действительно перестало идти, что поезд, который они ждут здесь, остановился где-то на путях. Ему представилось, как кочегар замер с лопатой, полной угля, перед растворенной топкой, а машинист выглядывает в окно и смотрит, что там лежит впереди. Пока эта стрелка не сдвинется с места, они будут ждать этот чертов поезд.

С этими мыслями он забрался в кусты, что росли рядом со зданием вокзала. Припекло его по малой нужде, а в самом вокзале, похоже, забыли соорудить помещение для справления этой первоочередной человеческой потребности. Вдруг он почувствовал, что что-то ткнулось ему в спину, твердое, холодное и круглое, а позади послышался шепот на английском.

– Деньги, часы.

Его обдало тяжелым дыханием. Человек говорил ему почти в самое ухо.

«Всего-то?» – подумал Савицкий, улыбаясь. Было бы куда хуже, спроси у него нападающий имя. Настоящее имя.

Кажется, что у грабителя и вправду был пистолет, и он не пугал свою жертву обрезком трубы. Проверять на себе заряжен пистолет грабителя или нет – Савицкому совсем не хотелось, отдавать деньги, которых осталось совсем мало, – тем более, а звать на помощь – просто не имело никакого смысла, никто ему на помощь прийти не успеет. Вот он и крутанулся на каблуках, очень быстро, ведь для него время остановилось, выбил пистолет из руки грабителя, ударил по его руке ребром своей ладони, а она была такой крепкой, будто ее вытесали из дуба. Пистолет со звоном упал на мостовую, но к этому времени грабитель тоже опал уже бесчувственной куклой, набитой соломой или ватой, потому что ребром другой ладони Савицкий ударил его по шее. Все произошло так быстро, что нападавший ничего не успел понять. Удивление только начинало проступать в его глазах, да так до конца и не проступило.

Савицкий огляделся, выясняя, не стал ли кто свидетелем этого происшествия. Надо заметить, что он проявил уж слишком большую прыть, расправляясь с грабителем. Движения его были спокойными и отточенными, как у машины для убийства. Его учили этому, и он хорошо усвоил уроки.

К счастью, никто его подвига не видел. Савицкий нагнулся, поднял пистолет, спрятал его в карман брюк и поспешил в здание вокзала. Хотелось обыскать упавшего. Но вдруг кто застанет его за этим занятием? Подумают еще, что это он грабитель, вызовут полицейских и тогда... тогда точно поезд пропустишь.

– Смотри, – сказал Савицкий, показывая пистолет Рохлину.

– Хорошая штука, – сказал Рохлин. – Шестизарядный «веблей». Здесь что, где-то поблизости оружием приторговывают? Так ведь его в магазине можно было купить.

– Мне его подарили, – сказал таинственно Савицкий.

– Кто же? Покажи мне этого доброхота. Вдруг он и мне подарит такую же игрушку?

– Он должен лежать в кустах, рядом с платформой. Пойди растормоши его и расспроси, может, у него второй такой пистолет есть.

– Хорошо, – кивнул Рохлин и действительно пошел на платформу, – там никто не лежит, – сказал он, вернувшись спустя полминуты.

– Ты хорошо искал?

– Да. Кусты осмотрел.

– Значит, он очухался. Быстро. Да я несильно его ударил.

– Так кто это был-то?

– Да бог его знает. Я его не спрашивал. Как-то не получилось. Сразу его и вырубил, когда он у меня решил деньги отобрать. Но попросил он у меня их – на английском, да и револьвер, видишь, такой же, что и у британских офицеров.

– Уверен, что город переполнен британскими осведомителями, которые присматривают за всеми прибывающими сюда подозрительными личностями. Мы, как ни крути, личности для них подозрительные. Таких, как мы, тут, видать, всех так и встречают и быстренько делают клиентами местного кладбища. Я не удивлюсь, если узнаю, что эти британские прощелыги в сговоре с гробовщиками да могильщиками и получают от них процент за каждого клиента. Ты мог бы приложить того бандита, что на тебя напал, посильнее, а то местные могильщики наверняка на одного клиента этим вечером рассчитывали. А ты их, выходит, без работы оставил. Не все ли равно, кого им хоронить?

– Приложить-то я мог, но я ведь с гробовщиками не в сговоре, да и полицейские мной бы заинтересовались. Пришлось бы тогда доказывать, что не я первый напал, а на меня напали. Зачем нам эта нервозность? Поезд точно пропустили бы. Мне кажется, что мы очень легко отделались. Не знаю, может, еще кто за нами наблюдает? – Савицкий осмотрелся, но ничего подозрительного не обнаружил. – Быстрее бы поезд только подошел. К бурам попадем – там уж британцам до нас не добраться, а здесь становится как-то неуютно.

Поезд появился неожиданно от того, что его уже просто никто не ждал, и не смотрел на пути. В темноте раздался гул, скрежет железа, точно оттуда надвигалась армия в доспехах, лязгающая оружием. Тишину пронзил противный свисток, из темноты высунулась лобастая голова паровоза. Он точно раздвинул эту темноту, вынырнул из нее, как огромный кит, появившийся на океанской поверхности.

Выпуская клубы дыма, паровоз остановился возле платформы. К нему прицепили вагоны, но тут выяснилось, что никуда он поехать пока не может. Чумазый кочегар выпрыгнул из кабины, помчался к начальнику вокзала и начал ему объяснять. Что-то неладное случилось с паровым котлом. Его надо обязательно осмотреть механикам, а если поезд поедет без осмотра и ремонта, то нет никакой гарантии, что он не встанет где-нибудь посреди пути грудой железа.

Нет, если прикажут, машинист поедет, но себе дорожке выйдет, если потом поезд сломается где-то в дороге и заблокирует путь.

Пассажиры, уже взяв штурмом вагоны, разместились на лавках и, ерзая от нетерпения, поглядывали в окна.

«Когда же наконец этот унылый опостылевший пейзаж за окном придет в движение?» – читалось на их лицах.

А архитектор, что проектировал этот вокзал, старался, из кожи вон лез, чтобы творение его радовало глаз пассажиров, но теперь оно вызывало у них лишь одно раздражение.

– Придется еще немного подождать! – кондуктор проходил по вагонам, сообщая эту неприятную новость.

– Сколько? – спрашивали его.

– Немного, – повторял он и быстро шел дальше, потому что ничего вразумительного сказать не мог. Да и известно, что делают с теми, кто приносит плохие новости. Вот он и не хотел испытать на себе гнев и без того раздраженных долгим ожиданием пассажиров. Вообще-то, вопрос был двусмысленным. Могли ведь спрашивать не о времени, а о том, сколько надо собрать мзды механикам, чтобы они побыстрее починили котел.

Становилось холодно. Савицкий, зябко ежась, подумывал, что стоит переодеться, снять тропический костюм, надеть брюки поплотнее, рубашку потеплее. Он забился в угол вагона, глаза сами собой сомкнулись.

Он клюнул носом, едва не свалившись с лавки. Она дрожала, дрожал вагон, раздавался приятный стук, когда колеса проходят стыки рельсов, а за окном медленно просыпался рассвет. Савицкий, все еще не совсем проснувшись, огляделся. Рядышком посапывал Рохлин. И не спросишь – сколько они уже едут, не будить же его специально для этого, а может, Рохлин и сам заснул прежде, чем поезд с места сдвинулся.

Савицкий встряхнулся, как птица, которая перья свои поправляет. На стекле осела влага. Савицкий стер ее ладонью, открывая окно во внешний мир, приткнулся к нему почти вплотную, так что кожа на щеке чувствовала холод, исходящий от стекла.

Мир тек перед его глазами очень медленно, почти не меняясь. Он тонул в сумерках.

Равнина казалась серой, пока за холмами не стало всходить солнце. Там точно костер разгорался, точно из жерла вулкана начинал бить фонтан раскаленной лавы. За несколько минут он взобрался к самым небесам, и тогда вельд преобразился, стал красным. Далеко-далеко бежало стадо антилоп, которых испугал поезд.

О земле этой отзывы были нелестными. Местность болотистая и песчаная, почти всегда жарко и всегда есть вероятность подвергнуться нападению мухи цеце, так что лучше из поезда не выходить и ехать с закрытыми окнами. Впрочем, зимой мухи впадали в спячку и о том, что какая-нибудь из них укусит тебя, можно было не беспокоиться.

«Путешествовать в вагоне поезда – очень удобно, – подумал Савицкий. – Только бы туземцы не вздумали устроить ловушку для этого железного монстра. А то еще разберут пути впереди и будут смотреть на то, как поезд, сойдя с рельсов, повалится с насыпи».

Солнце нагревало стекло. Влага с него испарилась.

Савицкий, в свое время начитавшись приключенческих книжек, теперь, поглядывая в окно, все ждал, когда же поезд атакуют туземцы. Вот тогда и пригодится пистолет, который он так удачно раздобыл на вокзале. За каждым кустом ему чудились могучие воины в великолепных плюмажах. Но оказывалось, что за головной убор он принимал яркую раскраску птицы. Поезд ее пугал и она, вереща, уносилась прочь. Туземцы все не появлялись, возможность ограбить поезд их, похоже, совсем не привлекала. От однообразности путешествия Савицкий даже заскучал.

В вагоне ехало несколько буров. Держались они кучкой. Выглядели, как зажиточные крестьяне какой-нибудь из центральных российских губерний, что отправились на базар в ближайший город, и, сбыв там выгодно свой товар, теперь возвращались с комфортом домой на поезде. Если главным товаром бурских республик становятся алмазы да золото – страшно предположить, сколько денег они везут в своих мешах. Правда, вряд ли кто-либо из крестьян берет с собой в дорогу ружья, а у каждого из буров было по винтовке.

Времена были уж очень беспокойные. Того и гляди опять война с британцами начнется.

Избирательное право в бурских республиках давалось лишь после того, как ты проживешь здесь не меньше 14 лет. Британцы настаивали, чтобы избирательное право предоставлялось быстрее. Дело в том, что пришедших в республики было уже больше, чем самих буров, и получи они избирательные права, то выберут в парламенты республик таких же проходимцев, как Сесиль Родс, который твердил повсюду, что буры грубо нарушают права подданных Британской империи, проживающих в Трансваале и Оранжевой.

Большинству из пришедших это избирательное право было так же необходимо, как телеге пятое колесо, потому что оставаться ни в Оранжевой, ни в Трансваале на всю жизнь они не собирались, используя республики как дойную корову. Сколотил капитал, отправился восвояси. Но Сесиль Родс, являясь премьер-министром Капской колонии, все никак не мог успокоиться, пока бурские прииски ему принадлежат.

Ситуация с избирательным правом давала британцам формальный повод вмешиваться во внутренние дела республик, якобы для защиты своих граждан. Доходило до прямой агрессии. Однажды британцы уже аннексировали республики, но почти двадцать лет назад буры подняли восстание и прогнали захватчиков прочь. А три года назад они пленили многотысячный отряд бандитов, нанятых Сесилем Родсом.

Но после того как в бурских республиках нашли золото и алмазы – они были обречены.

Буры с неодобрением поглядывали на Савицкого, который держал в руке стакан с виски и кусками льда, периодически прикладывался к нему губами и делал маленький глоток.

К спиртному буры не притрагивались, а, казалось бы, что еще делать, чтобы скрасить скучную дорогу? Их поведение Савицкому очень нравилось, но сам он от косых взглядов, догадавшись об их причине, немного засмутился. Он уже проклинал себя, что заказал стакан виски. Мог бы ограничиться просто холодной водой. Не будь его лицо и без того красным от загара, можно было предположить, что он покраснел от смущения. Он не знал, как поступить – то ли выпить содержимое стакана одним глотком, то ли отставить его от себя подальше, дескать, не мое это.

В бурах чувствовалась какая-то уверенность. Посмотришь на такого и тут же становится ясно, что хозяйство у него огромное, в работниках не один десяток человек, да и сам на печке не валяется, а в поле трудится с утра до вечера – ни себе, ни другим спуску не дает.

Савицкому хотелось заговорить с бурами, но он-то знал, что ко всем чужакам они с крайней подозрительностью относятся и вряд ли будут с ним разговаривать. Скорее попросят до греха не доводить своими приставаниями, отстать подобру-поздорову. Оставалось Савицкому лишь слушать их странную речь. Он мало что понимал в ней. Зато Рохлин неплохо освоил африкаанс.

Пейзаж за окном вагона – вроде был тот же самый вельд, но все-таки произошли какие-то, пока еще не видимые глазом, изменения. У Рохлина сложилось ощущение, что они пересекли границу и въехали в Трансвааль. Он не понимал, отчего у него такое ощущение. Вдалеке он увидел ферму, ухоженные поля вокруг нее, а спустя пару часов – караван повозок, в которые было запряжено по шесть-восемь быков. Они тащили огромные фургоны, размерами ничем не меньше дома, где могла с комфортом разместиться многодетная семья. За фургонами тянулся шлейф пыли, в нем тонуло стадо коров, которое шло следом за повозками.

Похоже, они пересекли границу с Трансваалем.

Лица буров, что ехали на соседней лавке, посветлели. Они прильнули к окнам вагона и смотрели на ферму, на караван с такой любовью, что стало ясно – они никогда никому не отдадут это землю, будут сражаться за нее с каким угодно врагом, пока рука еще держит ружье.

Скоро появилась возможность продемонстрировать свою меткость. Далеко-далеко в вельде скакала антилопа. До нее было метров восемьсот, но буры, немного притомившись от дороги, не нашли ничего лучше, как выставить свои ружья в окна и начать стрельбу по антилопе. Это выглядело немного дико. Они стреляли по очереди, чтобы ни у кого не возникло сомнений – кто же антилопу подстрелил. После каждого выстрела они делали ставки. Однако попасть в антилопу никому так и не удалось.

– Далеко, – стали комментировать свои промахи, немного смущаясь, что оконфузились перед иностранцами и не смогли пыль в глаза пустить своей меткостью.

– Далеко? – переспросил Рохлин. – Можно, я воспользуюсь одним из ваших ружей?

– Не сломаешь? – спросил его сидевший ближе всего к нему бур. На вид ему было лет сорок. В окладистой бороде завелись седые волосы.

– Постараюсь, – скромно сказал Рохлин.

Бур протянул ему свою винтовку. Она была системы «маузер». Из таких Рохлин много раз стрелял на стрельбище, когда готовился к этой поездке. В Генеральном штабе хорошо знали, какой системы ружья стоят на вооружении буров. Сейчас самый популярный товар, который экспортировали республики, именно оружие. На всякий случай Рохлин изучил и «Ли Менфорд», распространенный в британской армии.

Рохлин посмотрел на антилопу, на мгновение застыл, любуясь, как она грациозно перескакивает через кочки и кусты. Ему было жалко стрелять в это животное, к тому же это была пустая забава, потому что в том случае, если он попадет в антилопу, поезд ведь все равно останавливать не будут, чтобы забрать труп. Мясо достанется стервятникам или сгниет.

Краем глаза он видел, что буры внимательно наблюдают за ним. На их лицах читалось сомнение. Проманись Рохлин – никто смеяться над ним не будет, хлопнут дружески по плечу, дескать – с кем не бывает, но он чувствовал, что, когда он ввязался в этот турнир, лед недоверия между русскими и бурами растопился.

Наконец он выставил винтовку в окно вагона, приложил приклад к плечу, прицелился, прикрыв левый глаз, поймал на мушку грациозный силуэт антилопы, повел следом за ним ствол, затаил дыхание и нажал на курок.

Та секунда, в течение которой пуля летела эти несколько сотен метров, отделявших антилопу от поезда, показалась целой вечностью. Она длилась так долго, что у кого-то из буров с губ слетел вздох разочарования. Но вдруг антилопа точно оступилась, передние ее ноги подкосились, по инерции она пролетела еще несколько метров, а потом упала, кубарем покотившись по земле и поднимая тучи пыли.

– Попал – хором закричали буры.

– Попал? – теперь в их голосах было удивление, потому что попасть с такого расстояния в бегущую антилопу было просто невозможно.

– Попал!!! – на этот раз они кричали с восторгом.

Им понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что же произошло.

– Кто вы? Дипломаты? – стали они допытываться у Рохлина с Савицким. – А ты тоже так умеешь стрелять? – теперь они спрашивали уже у Савицкого. От такого внимания он засмущался еще больше, но хорошо, что буры теперь не обращали внимания на его стакан с виски.

Савицкий скорее догадался, о чем его спрашивают, и честно признался, что в антилопу на таком расстоянии вряд ли попал.

– Он скромничает, – Рохлин пояснил бурам ответ своего товарища. Но после признания Савицкого все внимание буров переключилось исключительно на Рохлина. Савицкий был этому даже рад.

– Откуда ты? – спрашивали они.

– Россия.

– Россия! О, у вас царя зовут Николай, – демонстрировали буры поразительную осведомленность о российских внутренних делах. Впрочем, в российской прессе сейчас много писали о бурских республиках, поэтому Рохлин был уверен, что в поезде, курсирующем между Санкт-Петербургом и Москвой, тоже найдутся те, кто сходу назовет имена и трансваальского президента, и президента Оранжевой республики. – Россия – хорошая страна. Вы воевали с британцами. Ну так кто ты? Дипломат? – не унимались они.

– Нет. Мы писатели, корреспонденты. Хотим про вашу страну и ваш народ статьи в русские журналы и газеты писать.

– Дело хорошее, но тебе лучше охотником быть или...

О том, что близится война с британцами, они говорить не стали, суеверно полагая, что так можно и беду накликать. Остаток пути прошел в дружеских беседах.

Претория ошеломила их, придавила к земле и они стояли на площади, чуть втягивая головы в плечи, и смотрели на огромные здания, что окружали их со всех сторон. Это был оазис цивилизации посреди почти дикой пустыни. В витринах магазинов были выставлены драгоценности, модные платья. Покажи кто Савицкому или Рохлину фотографию с такими видами, никогда бы они не угадали, что сделан этот снимок не в Европе, а в Южной Африке.

Дворец правительства отдаленно напоминал Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге, те же псевдоантичные колонны, купол. Рохлин смотрел на него, любуясь, и испытывал какой-то трепет, когда начал подниматься по ступеням центральной лестницы. Хорошо еще, что рука его невольно не потянулась перекреститься, как всегда было при входе в храм. Он улыбнулся от такой мысли.

Самый простой способ поговорить с Крюгером – это подкараулить президента возле его дома, благо никакой охраны там не было и никто мешать не станет.

Крюгера уже четвертый раз подряд выбрали президентом, но жил он в очень скромном домике, во Дворец часто любил ходить пешком; помощникам, которые уговаривали его сесть в карету, говорил, что хочет размять ноги, а то совсем развалится от сидячей кабинетной работы. Прохожие уступали президенту дорогу на тротуарах, раскланивались, снимая шляпы, а он раскланивался им в ответ.

– Мы можем устроить охоту, – предлагали помощники, – на ней можно размяться от кабинетной работы.

– Ой, да стар я уже для таких развлечений, – говорил Крюгер, – в молодости, конечно, любил я на львов поохотиться. Опыт кое-какой приобрел. Надеюсь, что и сейчас он мне поможет.

Президент намекал на Британию, у которой на гербе изображен лев.

Можно было ходить вдоль и около Дворца правительства до второго пришествия и все не решиться войти в него, не дожидаться удобного случая, когда двери останутся без присмотра и тогда в них сможет проскользнуть любой, кому это вздумается.

Рохлин, отчего-то полагал, что Дворец будут охранять местные гвардейцы, высокие и крепкие, но оказалось, что у буров нет гвардейцев и вообще нет регулярной армии, а зарплату, находясь на военной службе, получают только артиллеристы. Таковых было на всю республику четыреста человек.

Дворец правительства никто не охранял. Удивительно, что никому еще не пришло в голову вооружить какую-нибудь ватагу головорезов из числа аутлендеров, ворваться во Дворец правительства и убить президента Крюгера. Без него Трансвааль какое-то время будет дезорганизован и этой ситуацией можно воспользоваться для захвата республики.

– Пойдем, – кивнул Рохлин Савицкому и улыбнулся.

Он все еще думал, что как только они войдут в здание, то их тут же выгонят вшаей. Но этого не произошло. Когда же они в нерешительности стояли в фойе, глядя то на высоченный потолок, то на лестницы, что разбегались в разные стороны, и не знали, по какой из них им двинуться, боясь не то что не найти кабинет президента, а вовсе заблудиться в этих коридорах, к ним подошел молодой человек, похожий одеждой на мелкого клерка, и спросил, чем он может помочь.

– Нам надо к президенту, – сказал простодушно Рохлин, его африкаанс был плох, по акценту сразу можно было определить, что он иностранец.

– Откуда вы? – спросил клерк, когда он представился, и оказалось, что это секретарь президента.

– Российская империя, – сказал Рохлин.

– Вам еще не назначали?

– Нет.

– Посидите здесь, – секретарь указал на пестрые кресла, оббитые шкурами антилопы, что стояли по стенам в фойе. – Я осведомлюсь, насколько президент занят и когда он сможет вас принять.

– Хорошо, – сказал Рохлин, растягиваясь на кресле.

Он вытянул ноги, откинулся на спинку, а руки его стали гладить шероховатую шкуру антилопы – ощущения были очень приятными. Ноги чуть гудели от усталости. Савицкий занял соседнее кресло.

Кресла были такими огромными, что на них можно было вытянуться практически в полный рост, ну может, пришлось бы чуть согнуть ноги. Удивительно, как восприняли бы это местные обитатели. Да и президент Крюгер наверняка дважды в день проходил возле этих кресел. Что он скажет, заметив, что Дом правительства начинают оккупировать бездомные аутлендеры? Предоставит им избирательные права, как того требовали британцы? Вот уж нет, скорее выставит вон.

В здании было прохладно.

Рохлин и не заметил, как погрузился в сон, все-таки в поезде он не выспался. Открыв глаза после того, как кто-то сильно начал теревить его за плечо, он все никак не мог понять, где находится. Рохлин забыл, где был мгновение назад, но точно не здесь.

– Просыпайся, – услышал он голос Савицкого. Голова его склонилась почти над самым лицом Рохлина, и он чувствовал дыхание товарища.

– Что такое? Где мы?

– Ты забыл? Мы во Дворце правительства. Президент готов нас принять.

– Так быстро? Сколько я спал? – спросил Рохлин, вскакивая с кресла.

– Недолго, часа полтора.

– Ого, – удивился Рохлин.

– Вам очень повезло, – сказал секретарь, – У президента сейчас практически нет свободного времени. Я провожу вас.

– Рад приветствовать вас. Вам удобнее говорить на африкаанс, немецком или, возможно, на английском? Прошу прощения, но я практически не знаю русского и поэтому не смогу поддерживать беседу на вашем родном языке. А английский, если честно признаться, у нас не в чести.

В глазах президента была безмерная усталость, как будто он не спал уже несколько дней, глаза покраснели, борода лежала клочками, а длинные волосы, похоже, он причесывал собственными пальцами. И все-таки от него исходили сила и спокойствие. Крюгер был одет в длинный сюртук, на столе лежал цилиндр, трость прислонена к столу, а во рту дымила трубка.

Удивительно, но Крюгер обходился совсем без охраны. Конечно, он не боялся, что кто-то из его соплеменников выстрелит в него на улице из пистолета или бросит к его ногам адскую машинку. Но ведь в мире было так много людей, которым Крюгер мешал и они пойдут на что угодно, наймут убийцу, чтобы разделаться с несговорчивым президентом Трансвааля. Британия осыплет этого убийцу золотом, как делает это она, поддерживая подрывные элементы в России.

В Российской империи с теми, кто был настроен на свержение действующего строя и с прочими вредными элементами, разобрались довольно быстро. Император не простил боевикам покушений на своего деда, на министров и высокопоставленных чиновников. Заговорщиков перестали ссылать в Сибирь. Не хотел император, увидев красоту этого края, делать из нее сточную яму для всякого отребья. Да и ссыльные довольно часто бежали и вновь начинали вредительскую деятельность. Теперь их попросту вешали. Причем газеты создавали соответствующие настроения в общественном мнении. Заговорщиков, которым удавалось убежать за границу, а Британия с удовольствием предоставляла им убежище, отслеживали и безжалостно уничтожали. Правоохранительные органы не просто не осуждались, а, напротив, в общественном мнении они стали столпами законности.

– Английский мы тоже не любим. Постараемся на африканс, – предложил Рохлин.

– По выправке, которую вы так хотите скрыть, можно догадаться, что вы военные. По крайней мере, были ими. Я вас слушаю. Кто вы?

– Вы правы, – улыбнулся Рохлин. – Мы – офицеры российского Генерального штаба, – он сделал паузу, думая, что президент захочет тут же задать ему какие-то вопросы. Так и вышло, вот только он совершенно не подозревал о том, что начнет у него выпрашивать Крюгер.

– Мне рассказали о каком-то русском, который поразил антилопу из движущегося поезда с расстояния в семьсот метров, – начал президент. – Часом, это были не вы?

– Да, – смущенно признался Рохлин. У него даже голос предательски задрожал. «Быстро у них тут сведения распространяются, – подумал он. – Чихнешь где, а Крюгер уже об этом знает».

– Да вы отличный стрелок. Похвально, – улыбнулся президент. – Продолжайте.

– Известно ли вам, что в Натале и Капской колонии готовятся предъявить вам ультиматум? – спросил Рохлин, подумав, что сейчас у президента хорошее настроение и самое время заговорить о цели их приезда в Трансвааль.

– Потребуют от нас предоставить избирательные права всем, кто прожил в Трансваале и Оранжевой более пяти лет? – спросил Крюгер.

– Да, теперь это требование будет выдвинуто в ультимативной форме, и если республики не удовлетворят его, то британцы постараются оккупировать и Оранжевую, и Трансвааль.

– Когда будет выдвинут ультиматум? – голос Крюгера стал строгим.

– Как только у Британии в Южной Африке будет достаточно войск для оккупации бурских республик. Сейчас в Кейптаун и Дурбан перебрасываются войска из доминионов и метрополии. Через три месяца в Капской колонии будет армия в тридцать тысяч человек, вот тогда и будет предъявлен ультиматум.

– Тридцать тысяч недостаточно, чтобы оккупировать обе республики, – сказал Крюгер.

– Британцы полагают, что этого хватит.

– Наивные они. Однажды мы уже проучили их. Спасибо за эти сведения, но я догадывался о том, что нам в скором времени будет предъявлен ультиматум. Вы ведь не только за этим приехали? Вы действуете по указанию императора? Что просил он мне передать?

У президента были проницательные глаза. Он чувствовал, кто говорит ложь, а кто правду. Вот и не требовалось ему никаких документов, которые подтверждали бы рассказы русских. Ему вполне хватало слов.

– Сейчас не та ситуация, что двадцать лет назад. Теперь вас не оставят в покое, не оставят никогда и ни за что до тех пор, пока в Южной Африке находятся британцы, потому что у вас нашли золото и алмазы. Британцы хотят наложить лапу на эти месторождения. Мильнер и Родс будут трубить о том, что буры притесняют чужаков и туземцев, будут требовать прислать сюда войска и наказать буров. Очень скоро войска сюда придут. Но сейчас для вас очень выгодная ситуация. Я знаю, что если вы мобилизуете мужское население республик, то соберете около пятидесяти тысяч человек, а у британцев еще недостаточно войск, чтобы противостоять такой армии. В Натале и в Капской колонии многие встанут на вашу сторону. Им до смерти надоела власть британцев. Если вы сами нападете на Капскую колонию и Наталь, то у вас будет шанс выгнать британцев из Южной Африки и вернуть себе отнятые ими земли.

– Да, Капштадт основали буры, – кивнул Крюгер. – Так вы предлагаете мне напасть на британцев? Это почти самоубийство. В одиночку мы не сможем с ними долго воевать.

– Долго не надо. Надо как можно быстрее захватить Дурбан. Дойти до Кейпт... – он тут же поправился, – до Капштадта, пока британцы не перебросили сюда пополнение из Индии, Канады, Австралии и Новой Зеландии. Но если война затянется, то вся мировая общественность будет на вашей стороне.

– Вы не ответили мне. Нам придется воевать с британцами в одиночку? Вы наверняка знаете о телеграмме, которую мне прислал император Германии?

– Это не тайна для нас. Британцы о ней тоже осведомлены. Вильгельм призывает вас оказывать сопротивление британцам. В открытую он свою помощь не предлагает. Тем не менее Германия поставила вам в последнее время пять тысяч винтовок. Мы знаем, что у вас хорошая и современная артиллерия. Не хуже, а может, и лучше той британской, что находится сейчас в Капской колонии.

– Наша армия как раз и состоит из артиллеристов, – задумчиво протянул Крюгер. – В нашей армии всего четыреста человек.

– Порой четыреста стоят целой армии. – Не нужно было вспоминать три сотни спартанцев. Обе бурские республики станут для мира этими тремя сотнями. – Ваши сомнения в том, что вы не знаете, объявит ли Германия войну Британской империи в том случае, если с ней начнут воевать Бурские республики.

– А вы как полагаете?

– Все зависит совсем не от ситуации в Южной Африке, – сказал Рохлин. – Замечу, что сейчас британцы испытывают большие трудности во многих частях света. Махдисты сковывают одну их армию в Судане. На севере Индии британцы только что подавили восстание местных племен, но очаги сопротивления еще остались и британцы не смогут перебросить оттуда в Южную Африку все войска. На восточном побережье Африки тоже тлеет восстание. Британские войска распылены. Они не смогут собрать их в один кулак и двинуть против вас. Но эта ситуация не будет длиться вечно.

– Вы не очень убедительны, – Крюгер был разочарован. – Вы не можете предоставить мне не то что письменных, а даже устных заверений, что в случае начала войны с Британской империей нас поддержит Российская империя. Однако предлагаете мне развязать войну с Капской колонией и Наталем. Пока что в мировом сообществе у нас положительный образ, но не думаю, что он будет таковым, если мы начнем войну. Зачем нам все же эта авантюра?

– Господин президент, я уже говорил, что у бурских республик нет выбора. Рано или поздно война все равно начнется. Максимум через три месяца вам предстоит сражаться уже с тридцатью тысячами британцев, а через полгода, в том случае, если эти тридцать тысяч не смогут совладать с вами, британское присутствие здесь многократно увеличится. Лучше атаковать их сейчас, пока они не готовы к войне. Что касается помощи других империй, то, безусловно, в Южную Африку из Франции, Германии и их колоний, а также из России придут добровольцы отстаивать свободу бурских республик.

– Это капля в море.

– Но тем не менее чем дольше будет длиться ваше сопротивление, тем очевиднее, что мировая общественность окажется на вашей стороне, а вот далее события могут развиваться непредсказуемо. Возможно, что совместными усилиями мы заставим-таки британцев убраться из Южной Африки, и не только. Вы полностью можете рассчитывать на нас. В Генштабе разработан план захвата Наталя и Капской колонии.

Ультиматум, который Крюгер предъявил Капской колонии и Наталю на следующий день, стал неожиданностью даже для Рохлина с Савицким. Они и подумать не могли, что президент Трансвааля будет так быстр. Что уж говорить о комиссаре Капской колонии Альфреде Мильнере. Он-то думал, что ему позволят спокойно собирать силы, дожидаться, когда придут пополнения, но не тут-то было. Буры его опередили. В ультиматуме, который Крюгер предъявил руководству Капской колонии и Великобритании в целом, требовалось в течение сорока восьми часов вывести британские войска, превышающие обычную численность армии в Южной Африке, а кроме того, повернуть обратно те корабли, что везли сейчас войска в Дурбан и Кейптаун.

В том случае, если эти условия не будут выполнены, «правительство Трансвааля с глубоким сожалением будет вынуждено рассматривать действия правительства Ее Величества как официальное объявление войны, причины и последствия которой полностью лежат на совести Британской короны».

Текст был составлен в том духе, в каком любило составлять их британское правительство, то есть перекалывая всю вину за случившееся на противоположную сторону. Выполнить условия ультиматума было попросту невозможно.

Пока комиссар Мильнер посылал нервные телеграммы в метрополию, министру колоний Чемберлену, буры начали собирать свою армию.

«Что мне делать?» – писал Мильнер в Лондон. «Тяните время», – приходил ответ от Солсбери. «Как?» – «Обещайте бурам, что вы выведете войска, но сорока восьми часов для этого мало. Просите хотя бы неделю». – «Буры не соглашаются. Двое суток, и все». – «Выдвинете все войска к границе. В колониях тридцать тысяч солдат. Этого должно хватить, чтобы не только остановить буров, но и разбить их. Пополнение скоро прибедет. Вам лишь нужно не пускать буров к Дурбану не более двух недель».

В этой бесцельной переписке проходили последние часы. В Лондоне все еще надеялись, что буры блефуют, что они никогда не отважатся на решительные действия, не перейдут границу. В это и правда было очень трудно поверить. Ни одна из крупных европейских держав не решалась объявить войну Британской империи. Что уж говорить о мелких государствах. Они знали, что Британская империя их растопчет. Вдавит в грязь, как человек давит муравья или червяка. А тут какие-то две бурских республики, население которых, вместе взятое, в разы меньше населения Лондона, смеют что-то требовать от «владычицы морей». От такой наглости в Лондоне пребывали в некоей растерянности.

На всякий случай был подготовлен ответ, что «требования Трансвааля таковы, что правительство Ее Величества не считает возможным даже их обсуждение», и отправили его Мильнеру, но он не решился переправить этот ответ Крюгеру. Получи буры такой ответ, это означало бы начало войны. Не получи они его – войны тоже было не избежать.

– Идиоты. Солсбери – дурак! – рычал в бессилии Мильнер.

Он связался с Родсом, а тот стал успокаивать Мильнера, что буры, дескать, никогда не решатся напасть на Наталь и Капскую колонию, эти оборванцы и мужланы цену себе набивают, а сами уже в штаны от страха наложили. Как вариант Родс предложил вооружить тех проходивцев, что работали у него на шахтах, всучить им помимо ружей еще и по горсти золотых монет и отправить в очередной набег на буров.

– Ты же не забыл, что с отрядом Джеймсона стало? – спрашивал Мильнер.

– А что с ним стало? – спрашивал Родс. – Джеймсон, будучи посредственным врачом, после этого рейда стал знаменитостью и героем. Политическую карьеру начал делать.

– Ему повезло, что буры его отпустили. Если они теперь кого-то возьмут в плен, то отпустить не будут.

– Отпустят. Поверь мне, буры боятся империи. Да и что ты так переживаешь за весь этот сброд, который мы отправим к бурам в гости? В наших интересах, чтобы буры как раз этих проходимцев вздернули на центральной площади Претории – прямо напротив Дворца правительства, а Крюгер за всем этим наблюдал. Тогда мы выставим его дикарем, и у нас появится повод требовать, чтобы из Метрополии сюда прислали как можно больше войск. Эти твердолобые политики, что заседают в парламенте, должны наконец понять: бурские республики – угроза для Британской империи.

Тем временем улицы бурских городов заполнились вооруженными всадниками. Все в обгорелых, выцветших одеждах, с обветренными лицами, они мерно раскачивались в седлах, поднимая пыль на дорогах, а следом за ними катились огромные, как дома на колесах, повозки, запряженные десятком буйволов. В повозках были съестные припасы, патроны и слуги из кафров.

«Вот бы и кафров вооружить. Пусть тоже против британцев воюют, – думал Рохлин. – Но буры на такое не согласятся. Кафрам придется обещать свободу, как обещали ее рабам янки. За счет этого и победили в войне с южанами. Буры – принципиальные. Сами пропадать будут, но на такую сделку не пойдут. На нее пойдут британцы. Пообещают кафрам свободу, а потом будут все соки из них выжимать, еще похлеще буров».

Буры восседали на маленьких коренастых лошадках, напоминающих тех, что водились в киргизских степях. Порода называлась басуто-пони. Неказистые на вид, они вряд ли произвели впечатление на каком-нибудь из тех смотров, что так любят устраивать монаршие особы в Европе. Но лошадки эти были гораздо выносливее и неприхотливее тех, что были в распоряжении британских кавалеристов.

Сперва ручеек бурских всадников был совсем крохотным. Но постепенно он становился все более полноводным. Как и в реку, в него отовсюду стекались ручейки и, когда срок ультиматума подошел к концу, в бурской армии было уже около сорока тысяч человек. Они встали на границах с Наталем и Капской колонией.

Договоренности о том, что Трансвааль и Оранжевая республика будут действовать совместно, были достигнуты еще после того, как буры разгромили британских наемников во главе с доктором Джеймсоном, которые вторглись в Трансвааль со стороны Родезии три года назад. Они прикрывались лозунгом, что хотят улучшить положение своих соотечественников, которых угнетают буры и не предоставляют им избирательных прав. Но на самом деле шайка Джеймсона, нанятая на деньги Сесилия Родса, хотела захватить золотоносные рудники. Это была разведка боем. В том случае, если эта авантюра увенчалась успехом, в бурские республики ринулись бы британские войска. Но тогда дело ограничилось лишь одним сражением. Отряд Джеймсона заманили в засаду и уничтожили, а тех, кто не был убит, взяли в плен. Буры хорошо знали свою землю и ту, что лежала по другую сторону границы, ведь когда-то и эта земля тоже была бурской.

Голос Крюгера был чуть хриловатым, будто он сорвал его. Поэтому говорил он тихо, с заметным напряжением. Президент Трансвааля сидел во главе стола вместе со своим коллегой из Оранжевой – Стейном, но буры все были равны, и впору им было делать в президентском кабинете стол не в форме буквы «Т», а круглым, как у короля Артура. Претория – не Камелот, но что-то подсказывало Рохлину, что о людях, которые сидели рядом с ним, сложат такие же легенды, как и о рыцарях Круглого стола.

Он сидел рядом с портьерой, которая закрывала массивное окно от чужих глаз и солнечного света. Портьера была пыльной, и сейчас больше всего на свете Рохлин боялся чихнуть. Ни за что на свете ему не хотелось таким вот образом привлекать к себе внимание. Вряд ли кто спросит его мнение о готовящейся кампании, но сам факт того, что его вместе со Савицким пригласили на совещание руководства двух республик, говорил о том, с каким доверием буры относятся к русским.

Претензии британцев были в основном обращены к Трансваалю. Крюгер раздражал их гораздо больше, чем Стейн. С ним-то они все еще хотели договориться по-мирному, пробовали внести разлад между двумя бурскими республиками, а Стейна пытались разными способами переманить на свою сторону. Ему предлагались титулы, деньги. Предлагали даже возглавить объединенную колонию после того, как британцы включат в нее Оранжевую и Трансвааль. После таких предложений Стейн понимал, что Оранжевую в покое никогда не оставят, и как только они расправятся с Трансваалем, придет время Оранжевой, поэтому двум республикам уж лучше погибать вместе, как они и жили все это время.

Легко они не сдадутся. Они вообще не сдадутся. Всем ведь было хорошо известно, что и в Капской колонии, и в Натале сильны антибританские настроения, там живет много буров, которые с сочувствием относятся к своим братьям из Трансвааля и Оранжевой. Пожар запылает по всей Южной Африке. Под ногами британцев повсюду будет гореть земля. Нигде они не смогут чувствовать себя в безопасности.

Рохлин переводил взгляд с одного лица на другое, пытался запомнить их, потому что до этой встречи он знал далеко не всех. Стейн, одетый в сюртук, отчего-то напомнил ему своей бородой адмирала Макарова, сменившего мундир на гражданскую одежду. Однажды Рохлин поймал на себе взгляд Стейна, едва не покраснел от смущения, но вовремя посчитал, что если отведет взгляд в сторону, то нанесет президенту Оранжевой оскорбление. Рохлин едва кивнул Стейну, а у того в ответ чуть дрогнули кончики губ в легкой улыбке. Крюгер ведь рассказал Стейну, кто эти русские и зачем они прибыли в Преторию.

В бурских республиках собиралось множество добровольцев со всего мира, которые хотели остановить зло, что несла повсюду Британская империя. Создавалось впечатление, что здесь решается судьба мира. Здесь собрались те, кто понял, что надо остановить зло. Остановить его здесь. Иначе оно распространится по всему миру, отравит его.

На пути его пока что стояли тысяча немцев, семьсот французов, полторы сотни русских и почти пятьдесят тысяч буров. Из-за океана прибывали американские ирландцы. У тех были свои счета с британцами. Удивительно, что, казалось бы, непримиримые враги – немцы и французы – стояли плечом к плечу, готовые сразиться с общим врагом.

Южная Африка станет тем местом, которое позволит объединиться России, Франции и Германии. Этот Тройственный союз еще будет вершить судьбы мира. Но это будет потом, а пока что двум бурским республикам предстояло ощутить на себе первый удар безжалостного парового катка, именуемого Британской империей.

Некоторые бурские командиры, такие как Пит Жубер, Деларей, Девет или Кронье, с окладистыми пышными седыми бородами, одетые в простые потертые костюмы с жилетками и цепочками часов, торчащими из их карманов, напоминали Рохлину сельских старост. У них были удивительные лица с кожей, высушенной солнцем и ветрами вельда, мозолистые руки, которые привыкли не зарабатывать себе обед, а добывать его, и поразительно умные глаза. Рохлин смущался в присутствии этих людей, потому что от них веяло силой. Такой силой, что должна веять от писателя, книжками которого зачитывается весь мир. Им ничего не надо говорить, потому что они уже все сказали. Им достаточно только присутствовать на заседании. Рохлин вдруг понял, что эти бурские командиры напоминают ему Льва Толстого. Будь русский писатель помоложе, приехал бы сюда на край света. Он ведь почти полвека назад уже стоял на пути зла, что несла Британская империя.

Рохлину становилось страшно от мысли, что этим людям придется сражаться с армией, которая вела постоянные бои в Индии и Африке. Много ли навоюет крестьянин? Но русские партизаны почти сто лет назад поднимали на вилы отряды французов, прошедших триумфальным маршем через всю Европу. Внешность этих людей тоже была обманчива. Двадцать лет назад они уже разбили британцев. С той поры у них почти и не было спокойных годов. Бесконечные войны с кафрами закалили их.

Здесь был весь цвет бурских республик.

Луис Бота в отличии от своих более старших коллег, буквально фонтанировал энергией. А его глаза могли пронзить насквозь. Ему не сиделось на месте. Его место было не за столом переговоров, а в вельде, рядом со своими отрядами.

Ян Сметс был холоден и спокоен. Его внешность – аккуратная стрижка, дорогой двубортный сюртук, белая рубашка и бабочка – больше всего соответствовала торжественной обстановке. Он выглядел настоящим франтом. Ему еще не исполнилось и тридцати, но в течение последнего года ему было поручено заниматься модернизацией вооружения Трансвааля. Уже сейчас поговаривали, что со временем он может стать президентом республики.

А Дани Терон и вовсе по годам был мальчишкой. Он командовал отрядами разведчиков. Из его клана на войну с британцами пошли все, кто мог держать оружие. Буры умели держать его с малолетства. Уже в девять лет любой мальчишка мог подстрелить в вельде антилопу и обеспечить пропитанием свою семью. Таких малолеток, конечно, из отрядов гнали, но четырнадцатилетние мальчишки уже считались воинами. Их было немало в отрядах Терона, как и стариков с седыми бородами. Дед, отец, сын. Три поколения в одном строю.

– Как я могу их удержать по домам? – спрашивал Терон. – Они все хотят воевать. Они знают лучше меня, что это будет война на выживание. Если мы проиграем, нас никого не останется. Британцы никого не оставят в живых.

Рохлин смотрел на лица этих людей, стараясь прочесть их судьбы. Единственное, что он мог сказать – этих людей будут помнить по всему свету и через сто лет, и через двести, узнавать их лица на старых выцветших фотографиях, а не случись этого противостояния, они так и остались бы неизвестны. А еще он понимал, что почти все они обречены, и возможно, он тоже.

На столе была развернута огромная карта бурских республик, на которой были обозначены все сколько-нибудь маленькие холмики и ручейки. Наталь глубоко вклинивался между двумя бурскими республиками своеобразным выступом. На карте было обозначено направление основных ударов. Их должны были нанести одновременно из Трансвааля и Оранжевой в направлении Ледисмита. В случае успеха и быстрого продвижения бурских отрядов отсекались британские войска, которые находились севернее Ледисмита, перерезалась железная дорога, и открывался прямой путь на Дурбан. Такую же схему начала войны предлагал и российский Генштаб, но Рохлин не сомневался, что буры давным-давно уже разработали план ведения войны. Они также намеревались нанести вспомогательный удар в Капской колонии по Кимберли. Главным образом это делалось для того, чтобы буры, живущие в колонии, подняли восстание.

Рохлина с Савицким оставили в Претории собирать отряд из русских добровольцев. Им отвели номер в гостинице «Гранд-отель» в самом центре города – напротив Золотой биржи. За проживание денег не просили. Кормили тоже бесплатно – в ресторане при гостинице. Свободного времени было вдоволь. Работа была непыльной и скучной, добровольцев пребывало не очень много. Этак можно было просидеть без дела в комфорте в столице Трансвааля, пока буры не возьмут Кейптаун, или, что более вероятно, дожидаться, когда сюда придут британцы.

Похоже, буры не слишком-то доверяли иностранным добровольцам, считая их не помощью, а обузой. Всякие люди сюда приезжали. Некоторых не столько патриотические чувства сюда приводили, сколько желание подзаработать. Поначалу Рохлина с Савицким намеревались

отправить в Кимберли, на самую окраину боевых действий, где они в скуке и тоске провели бы все те месяцы, в течение которых буры пробивались к Дурбану. Но одно обстоятельство все изменило.

На границе Наталья и Капской колонии находилось местечко, именуемое Пондо-ленд – по названию обитавшего в этих землях туземного племени. Десять лет назад вождь пондо созвал совет старейшин, на котором постановили: просить защиту у великого народа, живущего далеко на севере. То есть пондо хотели добровольно войти в состав Российской империи на вечные времена. Соответствующее прошение было даже направлено императору Александру III. Обычно Российская империя охотно шла навстречу таким просьбам. Но на этот раз отлаженная схема дала сбой. Земли пондо находились слишком далеко. Чтобы защитить этот клочок земли от наложивших на него лапу британцев, пришлось бы гнать армию на край земли. Император был вынужден ответить туземцам отказом.

Однако о просьбе пондо буры были хорошо осведомлены и теперь полагали, что туземцы поддержат отряд, который полностью состоит из выходцев из Российской империи. Впрочем, до Пондо-ленда путь был неблизким, через весь Наталь.

Да и окончательно вопрос о привлечении кафров к боевым действиям на стороне буров решен не был. Почти все бурские генералы отзывались об этой идее резко отрицательно. Во-первых, она могла ударить по основе основ бурского менталитета, по патриархальному укладу, в котором кафрам отводилась лишь роль слуг, положением своим немногим отличаясь от рабства. Во-вторых, – и это, пожалуй, был главный аргумент противников идеи, – кафры, получив оружие, могли обратить его против буров. Они ведь постоянно поднимали восстания в республиках, сжигали фермы и убивали поселенцев. Когда у них в руках окажется современное оружие, справиться с ними будет гораздо труднее. Уступки, которых требовали аутлендеры, то есть равные избирательные права, кафрам не нужны. Им нужна только земля, им нужно лишь одно – чтобы белые убрались прочь. Дав им оружие, не откупорят ли буры бутылку с заточенным там злым джином, с которым уже не сумеют справиться?

Вот он, результат неблагоприятной бурской политики относительно коренного населения. В Северной Америке с коренными жителями поступали жестче. Одних уничтожали, оставшихся сгоняли в резервации. Теперь проблемы коренного населения в Северной Америке просто не существовало, за неимением этого коренного населения. Но куда дальновиднее было не воевать с кафрами, а показать им, что буры – хорошие хозяева. Только с ними эта земля станет плодородной, на ней будет расти урожай, которого хватит всем – и белым, и кафрам. Однако теперь ситуацию исправлять было уже слишком поздно.

Еще среди бурских генералов ходило мнение, что британцы переманят кафров на свою сторону, вооружат их, пообещав все блага мира, что отдадут им, к примеру, земли буров, а потом, как это обычно бывает, обманут.

3

Булатовича окружал десяток воинов из племени галлас, которые родом были из недавно присоединенных к Абиссинии земель, что располагались на юго-западе. На вид – сущие дикари, одетые в бараньи шкуры. Они были прекрасно сложены, мускулистые их тела на вид напоминали статуи античных героев, что поддерживают фасад Эрмитажа в Санкт-Петербурге. Длинные волосы галласы заплетали в тонкие косички, которые плотно обтягивали голову, а на затылке завязывались в пучок. Подобные прически разрешалось носить только тем, кто убил либо льва, либо слона, либо человека, да и то не всю жизнь, а лишь на определенное время. Странно было видеть на плечах этих дикарей русские винтовки системы Драгунова. Булатович и сам уже совсем не походил на того лощеного лейб-гусара, каким его знали на балах в столице, загорел, кожа задубела и запылелась, на плечах он носил накидку из львиной шкуры, а на

голове – боевую львиную повязку. Галласы смотрели на него с какой-то рабской преданностью и обожанием. Это не слуги даже его были, не телохранители, а люди, преданные ему душой и телом, готовые выполнить любое приказание своего хозяина.

«Такую преданность не завоеешь даже мешком австрийских серебряных талеров, что ходят в Абиссинии. Нужно что-то другое. Чем же он так их покори́л?» – думал Власов, мимо-летно поглядывая на Булатовича.

Встреча их случилась в дне перехода от Джибути. Завидев облако приближающейся пыли, члены русской дипломатической миссии начали волноваться, а казаки охраны выехали вперед, на всякий случай, приготовившись к обороне. Сколько всяких разговоров ходило о бандитах, которые до нитки обирают в этих местах караваны торговцев, а людей убивают. Сойдешь немного с дороги – тут-то и наткнешься на выбеленные кости этих несчастных.

Миссия везла множество подарков абиссинскому негусу Менелику. Грабителям было чем поживиться, реши они напасть на караван. Вот только, чтобы все это добро захватить, десятка всадников будет маловато, пусть они и свирепы, как звери. К слову, казаки охранения тоже спокойны, пока их не трогают, а тронь кто – спуску никому не дадут. На галласов они смотрели с живейшим интересом, как на какую-то невидаль, которую впору в станицах за деньги показывать, но пока что от всяких замечаний воздерживались, хотя чувствовалось, что их буквально распирает желание обсудить внешность туземцев, то как они на конях держатся да и соревнование устроить – кто лучше стреляет.

Нервы у Власова за время долгого сидения в Джибути совсем расшатались, потому что сидению этому конца и края не было видно. Все никак не удавалось найти достаточного количества верблюдов для перевозки всех припасов и подарков. Да и французы, хоть и был с Россией у них договор о взаимопомощи, помогать русским совсем не горели желанием. Хорошо, хоть палки в колеса не вставляли, а смотрели на все попытки русских достать мулов как-то откровенно.

После одного из событий у французов терпение закончилось. Они больше не хотели видеть у себя под боком русскую миссию и посчитали, что уж пусть она к Менелику быстрее отправляется, чем останется в Джибути.

Дело в том, что полковник Артамонов – беспокойная душа, командовавший казачьей охраной миссии, без дела сидеть долго не мог и на пятый день пребывания в Джибути посоветовал Власову согласиться на предложение правителя Султаната Рейхеты и посетить его владения.

Султанат пока что сохранял видимость нейтралитета, и владения его не входили ни во французский протекторат, ни в британский, ни в итальянский. Никак европейские державы поделить его не могли и договориться, кому же этот султанат достанется. Ситуация эта напоминала русскую сказку, когда баран, спрятавшись в сарае, слышит, как волк, медведь и лиса делят его косточки. Султан симпатий никому не выказывал. Выбора у него почти не было. Какая разница, кто тебя съест – волк, медведь или лиса? Но узнав, что в Джибути застряла русская миссия, направляющаяся в Аддис-Абебу, султан поспешил воспользоваться ситуацией и отправил послание, где сообщал, что будет рад видеть в своем дворце русских.

Несколько лет назад именно в его владениях высадился казак Ашинов вместе с сотоварищами, решив основать на побережье Красного моря русскую колонию под названием «Новая Москва». Султан к такой затее отнесся благосклонно, а населявшие те места племена данакильцев всячески поддерживали русских в трудные минуты, снабжая продовольствием. У русских с туземцами сложились настолько дружеские отношения, что дошло дело до свадеб. Главным образом колонисты брали в жены туземок.

Французы в Джибути поражались такой способности русских располагать к себе туземное население, так что последние уже считали счастьем стать частью Российской империи.

Соседство «Новой Москвы» для французов все больше становилось костью в горле. Русские то основательно на этой земле селились, корни пускали и не далек был тот час, когда султанат попросит протектората у России. А это значит, что у русских в Африке появится морская база и место для бункеровки своих броненосцев. Не успеешь оглянуться, как подобные места для бункеровки возникнут по всему пути от Санкт-Петербурга до Владивостока.

Французский консул Лагард выпрашивал инструкции у Парижа. Но там не знали, как поступать. Вот консул и решил действовать на свой страх и риск, а то ведь могли на него за бездействие всех собак спустить, как, впрочем, впоследствии и получилось. Лагард очень хорошо подошел на роль козла отпущения.

Консул приказал Ашинову убраться подобру-поздорову, но тот послал консула в Версаль и еще дальше. Консул вместо того, чтобы отправляться туда, куда его послали русские, пригнал броненосный крейсер, который начал обстреливать русское поселение. Там ведь войск никаких не было, только все мирные люди. Из оружия у них имелись лишь винтовки, которые использовались исключительно для добычи пропитания на охоте. Против пушек броненосца русские оказались так же безоружны, как и туземцы.

А вот данакильцы в этой ситуации поступили удивительно. Услышав первые выстрелы броненосца и догадавшись, что между «московами» и ненавистными «фарансави» началась война, они схватили свои фитильные ружья, копья и щиты и помчались выручать русских.

«Данакилец и москов – братья», – говорили они, а братья должны всегда друг за друга горой стоять, какая бы опасная ситуация ни сложилась.

Ох, только посмей французы тогда десант высадить на побережье – легко бы не отделались. Десант они высаживать побоялись, решив исход сражения корабельными пушками. Данакильцы в той бомбардировке нескольких своих воинов потеряли. Но из поселения не ушли, помогая русским раненых из горящих домов вытаскивать. Впоследствии ходили слухи, что французам они отомстили и за каждого своего погибшего в «Новой Москве» убили по три фарансави.

В память о русских туземцы сохранили флаг, что развевался над «Новой Москвой» и сделали его своим тотемом. А вот русских тогда французы быстро погрузили на один из пароходов и отправили в Одессу. Но скандал после этого обстрела разразился нешуточный.

Царствовавший в ту пору император Александр III, узнав о расстреле колонии, метал громы и молнии. Готов был за своих подданных с французами воевать. Каждый ведь россиянин знал, что, случись с ним что, пусть произойдет это на краю света – в Патагонии или Тасмании – за его спиной огромная империя, которая никогда не оставит в беде, пришлет броненосный крейсер, спасательную экспедицию – все, что понадобится.

Французы божились, что их консул никаких приказов ликвидировать русскую колонию из Парижа не получал, действовал сам по себе и уже понес заслуженное наказание. Он разжалован и предстал перед судом, а французское правительство готово выплатить компенсацию семьям пострадавших в этом инциденте и никаких препятствий в том случае, если кто-то из русских вновь попытается организовать колонию на прежнем месте, чинить не будет.

Пару лет спустя Россия и Франция подписали соглашение о взаимопомощи, так что впредь колонисты были бы под охраной не только российского, но и французского флага. Вот только до основания новой колонии на побережье Красного моря руки как-то не дошли.

Лагард же, когда страсти по тем событиям чуть поутихли, вновь отправился консулом в Абиссинию.

Артамонов решил, воспользовавшись бездельем, навестить султана Рейхеты и проверить, по-прежнему ли тот хорошо относится к русским. Власов от этой поездки отказался. Не мог он покидать членов миссии. За каждого головой отвечал. Да и очень его волновало, что он по-прежнему находится в Джибути, а вместе с ним и Али, которого император наказал как можно

быстрее переправить к махдистам. На душе Артамонова такой камень не лежал. Конечно, бросая миссию, он грубо нарушал инструкции, все же ему поручили ее охранять, но он выпросил дозволения у Власова, и тот скрепя сердце разрешил Артамонову повидать султана Рейхеты.

– Видать, без Булатовича нам никак не обойтись, – высказал мысль Артамонов перед своим отъездом. – Он-то знает, где здесь мулов с конями достать.

– Видимо, да, – согласился Власов.

Булатович приехал в Абиссинию еще три года назад в составе отряда Красного Креста, да так тут и остался, обучал солдат Менелика обращению с огнестрельным оружием, участвовал в исследовательских экспедициях, поразил всех скоростью своего передвижения по абсолютно безлюдным районам, так что абиссинцы начали подозревать, будто этот русский может превращаться в ветер. Негус то ли назначил его командиром одного из своих отрядов, присвоив ему звание фитаурари, что эквивалентно генерал-майору, то ли и вовсе поставил его во главе войска целой пограничной провинции, а это уже соответствовало званию полного генерала.

– И как я к нему должен обращаться теперь? – спрашивал Власов у себя самого. – Ваше превосходительство?

К слову, при встрече с миссией Булатович первым отдал честь Власову, понимал, что все его абиссинские звания в России равным счетом ничего не значат. Да, он получил от российского императора орден Анны 3-й степени и повышение по службе, но жалованье ему начислялось всего лишь как поручику, а не как генералу.

За какие-то неведомые широкой общественности заслуги Менелик вручил Булатовичу высшую свою награду – «Золотую звезду Соломона». Когда еще он полным генералом в России станет? И станет ли? А здесь у него все есть. Этак он мог и вовсе в Абиссинии осесть.

Лишь пару раз Булатович выбрался в Россию, сделал доклад в Русском географическом обществе, удостоившись за свои изыскания в далеких краях серебряной медали общества. Привез рукопись своей книжки, которую уже напечатали. Правда, из-за содержащейся в ней информации тираж был невелик, в свободную продажу не попал и разошелся по закрытым учреждениям, наподобие Генерального штаба или Министерства обороны. Возможно, чуть позже она станет более доступной и ее напечатают большим тиражом.

В одну из таких поездок в Россию Булатовича едва не убили. В каирской гостинице на него покушался какой-то турок. Булатович и понять ничего не успел, когда турок ткнул его чем-то острым, только почувствовал, как бок пропитывается теплой влагой, а одежда начинает липнуть к коже. Турок и во второй раз попробовал ткнуть Булатовича, но русский как-то сумел извернуться, выбить у турка нож, закричать. Турок испугался, убежал. Полиция его так и не нашла. Вряд ли эта задача была трудной. В «Интеллидженс сервис» наверняка знали и имя этого турка, и где он находится, потому что действовал он не по собственной инициативе, а явно с ведома британской разведки. Булатович от ран быстро оправился, но после этого из Абиссинии не выбирался.

– Здесь я как дома, а до России слишком далеко, – говорил он Менелику. – Британцы не упустят возможности меня убить, если я туда поеду.

– Оставайся здесь. Ты мне нужен, – говорил ему негус. – Ни в чем недостатка испытывать не будешь. Жену тебе найдем. Возьмешь из лучшего рода.

– Мне много и не надо, – говорил Булатович негусу, – а вот о женитьбе думать еще рано.

У султана Рейхеты Артамонову и его казакам достались совсем не заслуженные почести. Принимали их так, будто это, как минимум, дипломатическая делегация дружественного государства. Оркестр, жутко фальшивя, играл гимн России, развевались наспех сделанные трехцветные флаги. Видимо, за годы, минувшие со времен существования колонии «Новая Москва», европейские державы сильно опостытели султану.

Артамонов буквально обомлел от разговора с султаном. Тот не то что был не против создания пункта бункеровки на своих берегах, а прямо хоть сейчас готов к тому, что его владения станут протекторатом Российской империи. А сам он никаких – ни внутренних, ни внешнеполитических – решений без указания из Санкт-Петербурга принимать не будет и ждет не дождется, когда к нему приедет русский генерал-губернатор.

Артамонов был вынужден сообщить, что не уполномочен вести переговоры на эту тему, однако немедленно доложит обо всем вышестоящим инстанциям.

– Вот ведь забот не было, а что теперь-то делать? – вновь задавался вопросом Власов, узнав о предложении султана.

Он ведь тоже был не уполномочен вести переговоры с султаном Рейхеты. Но начнешь с Петербургом списываться, инструкции просить – время упустишь, станет известно содержание переписки сторонним державам. И не дай бог, что случится с султаном: расшибется, с коня упав на охоте, потому что подпрыгу подрежут или отравят его, или итальянцы с британцами захватят султанат силой, пока он еще считался нейтральным и не вошел под юрисдикцию Российской империи. Британцы сто лет назад с Мальтой точно так же поступили.

На султанат глаз положили и французы. Не понравится им, что потенциальная колония прямо из-под носа ушла к русским, пусть русские и союзники.

Власов все терзался в сомнениях – что же ему делать. Оставить предложение султана совсем без внимания он не мог, как когда-то император Александр III не ответил на просьбу пондо – взять над ними опеку. Сейчас случай совсем не тот был. Власова за бездеятельность по головке не погладят. Карьеру это бездействие может загубить, а правильное решение способно и до самых высот поднять – до министерского кресла.

– Ответим султану согласием, будь что будет, – наконец решил он. – Уж если головы не сносить, так бог с ней, а то будем всю жизнь потом жалеть, что шансом не воспользовались. Как думаете?

– Храбрость города берет, – не мудрствуя ответил Артамонов. – Только где же мы генерал-губернатора для султаната возьмем?

– Ах, как бы Булатович на этой должности пригодился! Пусть он и временно ее бы исполнял, пока из Петербурга генерал-губернатор не приедет. Но Булатович не согласится.

– Не согласится, – кивнул Артамонов.

– А вы? – спросил его Власов.

– А я должен дипломатическую миссию защищать. Моя задача еще не выполнена. Не могу я ее бросить.

– Верно, – кивнул Власов. – И я не могу. Какая земля в руки идет просто так, а мы не знаем, как ее застолбить. Отправьте в султанат хоть одного из своих офицеров потолковее и дайте ему в сопровождение нескольких казаков. Я напишу султану бумаги, что этот офицер будет исполнять функции русского посланника с соответствующими полномочиями. В том случае, если кто на султанат позарится, будет иметь дело уже со всей Российской империей. Пока там наши враги и друзья разберутся, что Петербург таких полномочий этому офицеру не давал, может, он его уже ими и наделит. Нам надо выиграть время. Эх, – Власов в сердцах махнул рукой, не в силах сдержать эмоций, – авантюризм все это чистой воды.

Французы о чем-то прознали, активность русских пришлась им не по душе. Консул вызвал к себе Власова. Объяснений никаких, впрочем, просить не стал, да и не стал бы ему Власов ничего рассказывать, все-таки подотчетным он был не французскому консулу, а российскому министру иностранных дел, развел бы руками, сказал, что не понимает, о чем речь идет.

Власов уже настроился, что беседа с консулом именно в таком ключе и пойдет, но ошибся. Оказалось, что французы решили скорее спровадить русскую миссию в Абиссинию, как говорится, из двух зол выбрав наименьшее. Вдруг выяснилось, что в Джибути пришли

сомалийские кочевники, готовые предоставить для нужд русской миссии своих верблюдов. Сложностей передвижения по пустыне больше не предвидится и провизия имеется на французских складах в достатке, а консул готов ею поделиться, причем абсолютно бесплатно.

Власов сердечно благодарил консула за такую заботу, жал ему руку, расстались они друзьями.

Вот только как вытянется лицо консула, когда он узнает, что русские все же отрядили в Султанат Рейхеты одного из своих офицеров с пятью казаками конвоя? Миссию эту поручили поручику Давыдову. Артамонов готов был отказаться от своего помощника – поручика Арнольди, но у того фамилия была уж слишком на слух схожа с итальянскими. А итальянцев здесь недолюбливали. Так что Давыдов стал временным представителем Российской империи в Султанате Рейхеты не благодаря своим заслугам, а исключительно из-за своей фамилии.

Пароход РОПиТа «Ласточка», на котором русская дипломатическая миссия добралась из Одессы до Джибути, оставили в порту у причала до дальнейших распоряжений. Французы отвели ему место под бессрочную стоянку и даже не взяли за это положенной платы. Дескать, для союзников им ничего не жалко, а любой член экипажа парохода, пребывающий в вынужденном безделье, будет желанным гостем на улицах Джибути. Подобные перспективы, конечно, расшатывают дисциплину, но на пароходах РОПиТа служили люди из бывших военных моряков. Не стоило опасаться, что пустятся они во все тяжкие, а ведь Джибути предлагал так много соблазнов, почти столько же, как тихоокеанские острова, так вскружившие голову матросам с «Баунти», что они решили навсегда там остаться, подняли восстание и высадили на берег капитана и всех офицеров.

О сроках своего возвращения Власов ничего конкретного капитану «Ласточки» сообщить не мог. Но тому за простой все равно шло немалое жалованье, как и матросам. На такую судьбу никто роптать не станет. Главное, чтобы не заскучали по Родине от долгой разлуки. Все-таки там у многих семьи остались.

Все матросы провожали отход миссии из Джибути, шли рядом до границ города.

Французы прокладывали железную дорогу от Джибути до Аддис-Абебы. По обочинам караванного пути лежали, сложенные штабелями, деревянные шпалы. Работы эти шли ни шатко ни валко и за год проложили не больше десятка километров. Причем не так давно уложенные шпалы пришлось перекладывать – термиты превратили их за несколько месяцев в труху. Укладывать железные шпалы посчитали слишком накладным занятием и пока что решили поэкспериментировать, пропитав деревянные шпалы специальным раствором, отпугивающим термитов.

К тому же сомалийцы, населявшие пустынные земли, тянувшиеся до Харара, всячески противились строительству этой дороги. Они говорили, что не могут ничего выращивать в своих засушливых землях и испокон веку кормились только тем, что перевозили на своих верблюдах товары от побережья в глубь континента. Если фарансави построят железную дорогу, по которой бегают пышущие дымом исчадия ада, у которых в желудке горит огонь, то сомалийцы потеряют свой заработок и вымрут от голода. Так лучше не ждать, когда это произойдет и всячески мешать французам. Однажды они даже напали на рабочих, нескольких убили, а сами исчезли в пустыне, как призраки. Французы так и не выяснили, кто из сомалийцев участвовал в этом набеге, но после него все никак не могли найти желающих работать на строительстве дороги. Начали сюда привозить ссыльных, заменяя им каторгу во французской Гвиане, на стройку дороги. Для охраны требовались войска, но те, что были здесь во время конфликта Абиссинии и Италии, уже успели перебросить в Северную Африку и в Индокитай, а новые все не прибывали.

Из-за всех этих проволочек строительство заморозилось на неопределенный срок. А так было бы приятно не тащиться по раскаленному воздуху на лошади, а добраться до абиссинской столицы в мягком вагоне поезда...

Увидев Булатовича, лица носильщиков, нанятых миссией, вытягивались и грустнели. Видать, они после недели перехода, когда замены им подыскать будет уже невозможно, полагают просить себе надбавку, а тут выходило, что миссия находится под опекой одного из военачальников – негуса Менелика. Просить теперь надбавку – себе дороже встанет. Негус за такое неповиновение может приказать прилюдно высечь. Да и такой проводник лениться просто не позволит. Всякие разговоры о нем ходили. Одно из его прозвищ переводилось как «Человек-ветер», но было среди них и «Тяжелая рука». Якобы однажды, когда на него на охоте напал слон, этот человек уложил его ударом кулака. На самом-то деле все было совсем не так, и Булатович убил слона разрывной пулей. Носил он такие же длинные волосы, как и сопровождавшие его галласы, тот меткий выстрел позволил бы ему заплетать волосы в мелкие косички на протяжении ближайших сорока лет. Косички за убийство человека разрешалось носить лишь один год, а дальше, чтобы сохранить свою прическу, надо было убить еще одного человека.

Никто из караванщиков и слова поперек сказать Булатовичу не посмеет, пусть их до смерти загонят, как вьючных животных. Уж лучше так сгинуть.

– Рад приветствовать вас, Петр Михайлович, – сказал Булатович, подъезжая к коню Власова. Они пожали друг другу руки, как старые знакомые, хотя это и было совсем не по уставу.

– И я вас сердечно приветствую, Александр Ксаверьевич, – улыбнулся Власов. Он был так рад встретить здесь русского. – И Евгений Яковлевич просил передать вам привет.

– Сердечно вам благодарен. Евгения Яковлевича здесь хорошо помнят. Негус его рад видеть, но ведь Евгения Яковлевича сейчас никуда не выпускают? Как он? – Булатович получал несказанное удовольствие от этого разговора, истосковавшись от того, что у него долго не было возможности пообщаться с соотечественником.

– Советником у императора служит. С его-то опытом. Поостранствовал по миру другим на зависть.

– За мемуары еще не сел? Ему есть что рассказать.

– Не знаю. Боюсь, что нескоро мы его мемуары почитаем. А вот ваша книга вышла. Жаль, не мог я привезти сюда один экземпляр. Не из-за того, что тяжело, видите, – он оглянулся, широким жестом обводя цепочку мулов и верблюдов, которая вытянулась позади него чуть ли не на полкилометра, – караван у нас огромный, как у купцов. Опасения были, что книжка ваша в чужие руки может попасть. Вот и не взяли. Но, впрочем, думаю, что британцы ее текст уже знают.

Они отъехали чуть вперед, чтобы никто им не мешал спокойно побеседовать. Караван остановился. Погонщики плюхнулись прямо на землю, чтобы отдохнуть хоть несколько минут.

– Абиссинию они к рукам прибрать хотят, – кивнул Булатович. – Если с махдистами расправятся, то следом точно за Абиссинию возьмутся. А книжку я бы с удовольствием полистал. Как она? Читали?

– Конечно. Как справочный материал использовал перед поездкой. Чуть ли не наизусть ее выучил. Могу цитировать очень долго, целыми страницами.

– Спасибо, – сказал Булатович. Он улыбался, слушая похвалы Власова. Приятно их было слушать. Текст его книжки мало кто, помимо Власова, наизусть будет учить, будто это стихи какие-то, которые можно девушке на свидании продекламировать.

– Очень мне понравилось, что абиссинцам наши серебряные рубли понравились и теперь они их используют наравне с талерами австрийскими, – продолжал Власов. – Проблем теперь с обменом денег нет.

– На австрийских талерах орел с одной головой, а наш – двуглавый. Абиссинцы, увидев его на наших монетах, просто были поражены. Меня все спрашивали – неужели такие двуглавые птицы у меня на родине обитают? Не мог я их разочаровать. Соврал, каюсь. Сказал, что встречаются, но очень редко и если кто такую птицу живьем увидит, то ждет его большая удача. У меня и спросили, видел ли я ее? Ну тут я не лукавил. Ответил, что живьем – нет, а

только на монетах ее и видел. Некоторые абиссинцы теперь из русских рублей амулеты себе делают. Дырочку пробивают, шнурок кожаный в нее продевают и на шее носят. Верят, что птица эта и им удачу принесет. Я, грешным делом, едва на эту моду не поддался и чуть сам себе такой же амулет не сделал. Но мне к тому времени уже другой амулет сделали. – Он полез за пазуху, вытянул кожаный шнурок, на котором болталось какое-то странное произведение местного шамана, сделанное из волос и клыков. – Шаман, который этот амулет делал, сказал, что он защитит меня от пуль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.